

Английская портниха

Автор:

Мэри Чэмберлен

Английская портниха

Мэри Чэмберлен

Лондон, 1939 год. Аде Воан восемнадцать, она красива и очень амбициозна. Несмотря на молодость, она высококлассная портниха, и у нее есть все данные, чтобы когда-нибудь открыть свое ателье – «Дом Воан», как видится в ее мечтах. И когда Ада встречает загадочного Станисласа, ей кажется, что она почти ухватила птицу удачи за хвост. Новая жизнь начинается с ее первого путешествия – и не куда-нибудь, а в Париж, мировую столицу моды. Ада отлично шьет, у нее превосходный вкус, но о жизни, политике, за границе и уж тем более о мужчинах она не знает почти ничего. Через несколько дней на Европу обрушится война, загадочный мужчина исчезнет, и Ада останется совсем одна – в чужой стране, знающая по-французски лишь несколько слов, без крыши над головой и с британским паспортом в модной сумочке. Так начинается эпопея юной англичанки, умеющей лишь одно – придумывать платья и шить их. Но пригодится ли ее искусство во враждебной стране, в плену? И достанет ли юной портнихе мужества, силы и стойкости, чтобы выжить в безумии, охватившем мир?

Мэри Чэмберлен

Английская портниха

© Елена Полецкая, перевод, 2016

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2016

Посвящается младшеньким – Аарону, Лоле, Козмо, Трилби – и их Ба.

Пролог

Низкое апрельское солнце брызнуло на густочерный шелк, и он заиграл оттенками эбонита и агата, серебра и грифеля. Анни одернула тонкие, почти острые края жакета, разгладила теплую ткань на плече, коснулась алых лепестков на корсаже так, словно это было живое хрупкое соцветие, сотканное самой природой.

Жакет она надела поверх толстого шерстяного свитера и кухонного фартука, и теперь он слишком туго облегал плечи. Нет, хотела сказать Ада, так не пойдет. Вещи не сочетаются. Но придержала язык. Одного взгляда на Анни хватило, чтобы понять: лучше обнови у кухарки отродясь не водилось.

В одной руке Анни держала чемодан, другой вынула из кармана ключ от комнаты:

– Прощай, монахиня. – Бросив ключ на пол, она подпихнула его ногой поближе к Аде.

И вышла вон, оставив дверь открытой.

Часть первая

Лондон январь, 1939-й

Ада не отрываясь смотрела в зеркало с отбитым краем, водруженное на кухонную тумбочку. Приоткрыв рот, высунув язык от усердия, она выщипывала брови ржавеньким пинцетом. Вздрагивала и тихо уйкала, пока брови не

истончились до двух изящных дуг. Смазала их «ведьминым орешком», чтобы унять жжение. Окунула голову в щербатую раковину с чистой теплой водой, вытерла волосы полотенцем и расчесала на левый пробор. В свои восемнадцать так она будет выглядеть взрослее. Прядь на средний палец, расчесать, натянуть, прижать указательным, закрутить. Три локона слева, пять справа, пять на затылке – и все внахлест, «елочкой». Заколки и зажимы сидели на голове как влитые, пусть волосы сохнут.

Все своим чередом, без спешки. Ада открыла сумочку, порылась в поисках пудры, румян и губной помады. Того, другого и третьего понемножку, иначе получится вульгарно, но ровно столько, чтобы выглядеть свежо и достойно, как те девушки из «Женской лиги здоровья и красоты». Ада видела их в Гайд-парке, в черных трусах и белых блузках, и знала, что по субботам они упражняются на игровой площадке начальной школы Генри Фосетта. Возможно, она тоже будет туда ходить. Разве плохо быть гибкой и стройной? А форму сошьет сама. В конце концов, она теперь портниха и неплохо зарабатывает.

Ада пожевала губами, равномерно распределяя помаду, проверила, не ослабли ли заколки на голове, взяла зеркало с тумбочки и направилась в спальню. Коричневая твидовая юбка со встречной складкой и кремовая блузка с эмалевой булавкой на вороте – это по-настоящему элегантно. Добротный твид к тому же – иначе Исидор, портной с Ганновер-сквер, не стал бы иметь с ним дело, это он подарил Аде обрезки. Ей исполнилось пятнадцать, когда она пришла к Исидору. Господи, каким же пугалом она тогда была! В парусиновых туфлях, серых от меловой пыли, в жакете с чужого плеча, болтавшемся на ней как на вешалке, она собирала булавки с пола и выметала обрывки ткани и ниток. Потогонная мастерская, наставлял ее отец, где хозяин, капиталист зажавшийся, нещадно эксплуатирует Аду, а значит, она должна бороться за свои права. Но Исидор открыл Аде глаза. От него она узнала, что ткань живая, что она умеет дышать и у каждой материи свой характер и норов. Шелк упрям, говорил Исидор, батист недоверчив. Шерсть строга, фланель ленива. Он научил Аду разрезать ткань так, чтобы та не мялась и не морщилась, кроить по косой, обрабатывать край. Он показал, как делать выкройки и орудовать мелком. Под его надзором Ада освоила швейную машинку, научилась разбираться в пряже и нитках, наострилась вставлять новомодные «молнии», и они были почти незаметны между швами, обметывала петли и подшивала подолы. В елочку, Ада, в елочку. А клиентки, похожие на манекенщиц? Ада замирала, глядя на них. Роскошные волосы, изысканные наряды. Даже белье, и то шилось на заказ. Исидор показал Аде другой мир, и она мечтала в этот мир попасть.

Но пока еще рановато. А что вы хотите, когда мама требует, чтобы Ада вносила свою долю на хозяйственные расходы, и на работу она добиралась автобусом, а не пешком, и в день зарплаты они с девочками пьют чай с пирожными в «Лайонз». Словом, к концу недели денег оставалось не густо.

– И не воображай, что теперь ты тут главная, – покрикивала мать, грозя Аде грязным пальцем, морщинистые костяшки как жирные червяки, – только потому, что платишь за себя.

Аде по-прежнему приходилось стирать и убирать в доме, а с тех пор как она стала портнихой, еще и обшивать всю семью.

Дрожать над каждым пенни, ходить в обносках и вычесывать вшей – такая жизнь не по ней, она это чувствовала. Послунявив пальцы, Ада скатала в гармошку шелковые чулки с носком и пяткой, затем натянула чулки на ноги, убирая морщинки одну за другой, – осторожно, не зацепи! – шов сзади лег идеальной стрелкой. Качество видно сразу. Встречают по одежке. Пока она одета как подобает, ее не тронь. Губы поджаты, подбородок вперед, и будьте любезны. Манеры и стать не хуже, чем у светских дам. Ада далеко пойдет, в этом она не сомневалась, она тоже выбьется в люди.

Перенесла зеркало на каминную полку, причесалась, волосы легли каштановыми волнами. Надела шляпку, сдвинув ее чуть вперед и набок, круглую шляпку из коричневого фетра, что сочинила для нее модистка из их мастерской. Влезла в лодочки цвета шоколада и, подняв зеркало повыше, оглядела себя с ног до головы. Отлично. Модно. Как подобает.

Ада Воан скользнула за порог, все еще влажный от утреннего мытья и выскабливания. Небо тяжело хмурилось, каминные трубы откашливались копотью. Вдоль улицы тянулись дома впритык друг к другу, хлопья сажи липли к желтой кладке и бурым тюлевым занавескам, что рвались наружу из открытых окон под напором капризного городского ветра. Чтобы дым с Темзы и пепел с мыловарни не забились в ноздри, Ада прикрыла нос ладонью; на ее носовом платке с собственноручно вышитым вензелем АВ осталось черное пятнышко.

Цок-цок по Сид-стрит. Входные двери нараспашку, так что можно заглянуть внутрь, дома сплошь приличные, чистые, принаряженные, хороший район, «надо быть непростыми людьми, чтобы снимать здесь жилье», хвалилась мать. Лучше

бы уж молчала. Матери с отцом не распознать непростого человека, даже если они столкнутся с ним лбами. Непростые не торгуют рабочей газетой возле пабов субботним утром и не перебирают четки до мозолей на пальцах. Непростые не орут друг на друга, а потом не молчат угрюмо по несколько дней кряду. Если бы ей пришлось выбирать между отцом и матерью, Ада не раздумывая предпочла бы отца, несмотря на все его закидоны и вспыльчивость. Отец верил в спасение здесь и сейчас, а не на небесах: один последний рывок – и стена предрассудков и привилегий рассыплется в прах, и тогда любой сможет оказаться в том мире, о котором мечтала Ада. Для матери спасение наступит после смерти и долгой жизни, где одни только лишения и страдания. Сидя по воскресеньям в церкви, Ада задавалась вопросом, зачем кому-то понадобилось превращать горе и бедность в религию.

Цок-цок мимо пожарной части и мешков с песком, сваленных у ворот на чрезвычайный случай. Мимо театра «Оулд Вик», где в одиннадцать лет она смотрела по бесплатному билету «Двенадцатую ночь», замороженная сиянием бархатных костюмов и запахом вольфрамовых ламп и апельсиновой кожуры. Она понимала, сердцем чуяла, что сцена с нарисованными декорациями и искусственным светом заключала в себе целый мир, такой же настоящий и необъятный, как и сама вселенная. Все понарошку и все взаправду, и Ада переживала за Мальволио, потому что ему, как и ей, хотелось стать непростым человеком. Она шагала дальше по Лондон-роуд, потом по закругленной Сент-Джордж-Кросс и оттуда на Бороу-роуд. Отец твердил, что не пройдет и года, как разразится война, а мать постоянно подбирала листовки и зачитывала вслух: «При звуке сирены проследуйте, соблюдая спокойствие и порядок...»

Цоканье стихло, Ада подняла глаза. По фронтону здания массивные выпуклые буквы «Политехнический институт Бороу» – сюда ей и надо.

Поправила шляпку, открыла и закрыла сумочку, проверила, не скособочились ли стрелки на чулках, и поднялась по лестнице. Пот под мышками и между бедер – не свежая влага, как после бега, но противная липкость от волнения.

Комната № 35 на последнем этаже, дверь с четырьмя стеклянными вставками. Ада посмотрела сквозь стекло. Столы сдвинуты к стене, а посреди комнаты шестеро женщин полукругом. Стоят спиной к двери, перед ними еще кто-то. Ада не могла разглядеть кто. Вытерев ладонь о юбку, она открыла дверь и переступила порог.

Женщина с огромной грудью, ниткой жемчуга и седыми волосами, забранными в пучок, направилась ей навстречу, разводя руки в приветственном жесте:

– А вас как зовут?

Ада сглотнула:

– Ада Воан.

– От диафрагмы, – прогремела дама. – Ваше имя?

Ада не понимала, чего от нее хотят.

– Ада Воан. – Голос будто споткнулся об язык.

– Вы разве мышка? – прогудела дама.

Ада покраснела. Она чувствовала себя маленькой и глупой. И повернулась к двери, чтобы уйти.

– Нет, нет. Входите же, входите. – Дама взяла Аду за руку: – Не зря же вы проделали столь долгий путь.

Ее ладонь была сухой и теплой, с ногтями, покрытыми розовым лаком, полный порядок. Дама подвела Аду к другим женщинам и поставила в центре полукруга.

– Меня зовут мисс Скиннер. – Слова прозвучали чисто и ясно, как музыка или, подумала Ада, как песенка хрустальной птички. – А вас?

Мисс Скиннер. Совершенно прямая спина, грудь прямо-таки необъятная и тонкая талия. Голова слегка откинута назад, подбородок приподнят.

– Произнесите так, чтобы мы услышали, – улыбнулась мисс Скиннер. Пусть голос у нее и строгий, но лицо все равно доброе, отметила Ада. – Четко и раз-дель-но.

– Ада Воан, – старательно выговорила Ада.

– Можно выглядеть павой, – мисс Скиннер чуть отодвинулась назад, – но если чирикаете, как воробышек, кто примет вас всерьез? Добро пожаловать, мисс Воан.

Мисс Скиннер прижала ладони к талии. Ада смекнула, что дама наверняка носит корсет. Ни у одной женщины ее возраста не бывает такой фигуры без утягивания. Наставница вдохнула: ммммм, побарабанила пальцами по выемке, образовавшейся у нее под ребрами, открыла рот. До, ре, ми, фа, со-о-о... Она долго держала последнюю ноту, пронзительную, как звук паровой трубы, пока вся комната не зазвенела эхом. Потом опустила плечи и выдохнула остаток воздуха: фффф. Это все ее груди, подумала Ада, невероятно вместительные, она надувает их, точно воздушные шары. Никто другой не способен так глубоко вдохнуть. Природа не позволит.

– Встаньте прямо. – Мисс Скиннер шагнула к ученицам. – Подбородок вверх, зад подтянуть. – Обойдя всю группу, она приблизилась к Аде и одной рукой ткнула ее пониже спины, а другой приподняла подбородок. – Если мы не стоим прямо, – мисс Скиннер отвела плечи назад, расправила грудь, – мы не сможем воспроизвести звук во всей его полноте. – Ее р-р-р грохотало, словно трещотки на шествии Армии спасения. – А без надлежащего звука, – продолжила мисс Скиннер, – мы не сможем произносить слова правильно.

Она повернулась к Аде:

– Мисс Воан, почему вы решили учиться искусству речи?

Ада ощутила колющий жар, поднимавшийся по шее к затылку, лицо у нее тоже наверняка покраснело. Она открыла рот, но не сумела выдать ни слова. Язык будто парализовало. Хочу быть непростым человеком. Но мисс Скиннер все равно понимающе кивнула. Она успела навидаться таких, как Ада. Девушек с амбициями.

– Я было приняла тебя за клиентку, – сказала почтенная миссис Бакли, когда Ада явилась наниматься на работу в прошлом сентябре. – Смотришься завзятой модницей.

Ее приняли за клиентку. Вообразите. А ей только восемнадцать! Ада быстро учится. И уже многому научилась.

Достопочтенная миссис Бакли вела дело под вывеской «Мадам Дюшан». Рослая, с квадратными бедрами, покрашенными ногтями и скромными сережками, она вводила посетительниц в транс, когда принималась сыпать выражениями вроде кутюр, ателье и Париж, ба! Наспех пролистав «Вог», она придумывала фасоны бальных и вечерних платьев, драпируя и накалывая шелк и шениль прямо на стройных дебютантках и их осанистых компаньонках.

Ремесло Ада переняла у Исидора, кураж – у миссис Б., как за глаза называли хозяйку все девочки в мастерской. Если Исидор был мудрым, добрым, забавным и настоящим, то миссис Б. – насквозь искусственной. Ада не сомневалась: ее хозяйка никакая не «достопочтенная» и даже не «миссис», а ее цвет лица так же фальшив, как и ее имя, но все это не мешало миссис Б. привлекать клиенток. То, чего она не знала о женской фигуре и свойствах ткани, уместилось бы на одном уголке почтовой марки.

Сменив Исидора на миссис Б., Ада поднялась на ступеньку выше, по крайней мере в собственных глазах. Париж. Именно этот город нацелилась покорить Ада. Она назовет свое заведение «Воан». Для модного ателье более чем подходящее имя, как Уорт или Шанель, но с британским каше. Это было еще одно словечко, подхваченное у миссис Б., стиль и класс в одном рулоне.

– И где вы так хорошо выучились французскому, мадам? – В лицо девочки всегда называли хозяйку «мадам».

Миссис Б. загадочно улыбалась, покачивая головой на длинной тонкой шее.

– Там и сям, – отвечала она. – Там и сям.

Надо отдать ей должное: миссис Б. разглядела в Аде труженицу, а также девушку с честолюбием и талантом. А поскольку Ада еще и правильно выговаривала «х», без простонародного придыхания, ее сделали витриной мастерской, живым манекеном мадам Дюшан, и молодые светские дамы начали все чаще обращаться к Аде за фасонами платьев в обход миссис Б., чье лицо и талия с каждым днем становились все более расплывчатыми.

– Мадемуазель, – говорила ей миссис Б., – примерьте вечернее платье.

– Эпонжевое, мадам?

Полночная синь и американская пройма. Втянув живот, походкой заправской манекенщицы Ада пересекала комнату, порывисто разворачивалась, приковывая взгляд к своей обнаженной спине, к игре ткани, пробегавшей мягкими волнами по ее фигуре, а затем по подолу, что заканчивался шлейфом. После чего делала второй круг и улыбалась.

– Теперь шифоновое.

Волшебная паутина на подкладке из тафты, устричные раковины и жемчуг, сияние драгоценных камней. Ада наслаждалась тем, как одежда меняет ее. Она становилась то огнем, то водой, воздухом или землей. Стихийная. Естественная. Такой она и была на самом деле. Поднимала руки, словно желая обнять небо, и ткань колыхалась будто под легчайшим бризом; затем приседала в глубоком реверансе, а когда выпрямлялась, казалось, что ее тело распускается бутоном, каждый член – нежный лепесток, который хотелось потрогать.

Она была объектом восхищения, живой скульптурой, произведением искусства. И одновременно творцом. Улыбаясь, Ада говорила:

– Но если подсобрать здесь иди сделать складку тут, тогда – вуаля.

Взмах длинных тонких пальцев, новое словечко вуаля для посвященных – и Ада слегка подправляла изобретение миссис Б., делая его более современным, более желанным. Ада знала, что миссис Б. ценит ее, признавая за ней сноровку и вкус, а также умение занимать клиентов приятным беспечным разговором – спасибо придирчивой мисс Скиннер.

– Если кроить по косой, – предлагала она клиентке, вытягивая платье по диагонали, – видите, как ложится ткань, как на греческой богине.

Ткань наискось перерезала грудь, оголяя плечо, ни дать ни взять русалка, горделиво вынырывающая из шифонowego моря.

– Нон, нон, нон, – цокнув языком, перебивала по-французски миссис Б., когда Ада преступала границы приличия. – Так не годится, мадемуазель. Платье не для будуара, но для бала. Декорум, декорум. – Затем, обернувшись к клиентке: – Мисс Воан чуть-чуть недостает опыта, она немного наивна в том, что касается светских тонкостей.

Может, Ада и была неопытным подмастерьем, но она изрядно поспособствовала известности мадам Дюшан, модистки с Дувр-стрит, и надеялась, что придет день, когда из ценных работников ее повысят до совладелицы мастерской. Она обзавелась респектабельной клиентурой. Она выделялась талантом, а крой в сочетании с изысканностью линий ее фасонов делал ей честь. Она досконально изучила звездный Голливуд с намерением перенести этот блистательный мир в лондонские гостиные. Ада превращалась в свои модели, была их ходячей рекламой. Повседневное ли платье в цветочек, идеально ли подогнанный костюм, всегда ухоженные ногти и скромные лодочки – Ада знала, что на нее смотрят, когда, выйдя из мастерской, она вышагивала по Пикадилли мимо отеля «Риц» и Грин-парка. Цок-цок, подбородок вверх, с таким видом, будто она живет в Найтсбридже или Кенсингтоне. Но стоило ей свернуть влево, и любопытство окружающих иссякало; по Вестминстерскому мосту она цокала мимо хихикающих уличных мальчишек, что, задрав носы и кривляясь, крались за ней следом на цыпочках, изображая походку на каблуках.

В конце апреля беспросветный дождь забарабанил по крышам Дувр-стрит. Ливни, вскормленные океаном, извергались с небес, обрушивались на землю, просачивались в трещины на мостовых и бурлили черными реками в сточных канавах, скапливаясь в выемках на тротуарах и вокруг высоких домов с лепниной. Дождь стекал с зонтов и темных «практичных» шляп прохожих, а штанины, не прикрытые плащами, промокали до колен. Обувь пропитывалась сыростью.

Ада надела пальто, бежевое с поясом в тон, и взяла зонт. Сегодня после работы ей придется скрепя сердце сразу повернуть налево, к остановке автобуса № 12, который довезет ее до дома.

– Доброй ночи, мадам, – попрощалась она с миссис Б., стоя в дверях, затем вышла на пропитанную влагой улицу. Направляясь к Хеймаркету, она глядела под ноги, обходя лужи. Порыв ветра вывернул зонт, распахнул полы пальто, выгнувшиеся колоколом, а мигом намокшие волосы липли к лицу, словно

щупальца осьминога. Ада дергала за металлические спицы, пытаясь вернуть их на место.

– Позвольте мне, – раздался мужской голос, и над головой Ады возник большой зонт.

Она обернулась, едва не ткнувшись мужчине в грудь, – краткое мгновение, но этого Аде хватило, чтобы разглядеть незнакомца. Скуластое лицо, но черты в общем правильные, и под стать им узенькие аккуратные усы. Круглые очки, а за ними ясные светлые глаза. Цвета утиного яйца, определила Ада, и такого нежного оттенка, что казались прозрачными. Эти глаза пригвоздили Аду к тротуару.

Мужчина отступил на шаг:

– Прошу прощения. Я лишь хотел помочь. Вот, держите. – Он вручил ей свой зонт, а другой рукой перехватил ее зонтик. Говорит почти как иностранец, подумала Ада, хотя выговор приятный и даже изысканный. Она наблюдала, как он выгибает спицы, возвращая ее зонт в нормальное состояние. – Пусть и не совсем как новенький, но сегодня он вам еще послужит. Где вы живете? Вам далеко добираться?

Ада начала было отвечать, но слова застряли во рту. В Ламбете. Ламбет.

– Нет, не далеко, – пробормотала она. – Спасибо. Я поеду на автобусе.

– Разрешите проводить вас до остановки.

Она хотела ответить согласием, но испугалась, что он станет допытываться, где же она все-таки живет. 12-й автобус идет в сторону Далвича. Отлично. Она скажет, что живет в Далвиче, это вполне респектабельно.

– Вы колеблетесь. – Он улыбался, прищурившись. – Ваша мама наверняка велит вам остерегаться незнакомцев.

Ада обрадовалась подсказке. Выговор у него был какой-то безликий. Невозможно угадать, откуда он родом или в каком районе Лондона обретается.

– Но вот что пришло мне в голову, – не сдавался незнакомец. – Уверен, даже ваша мама ничего бы не имела против. Не соблаговолите ли составить мне компанию, мисс? Чай в «Рице». В лучших английских традициях.

Что в этом могло быть плохого? Будь у него дурные намерения, он не стал бы сорить деньгами в «Рице». Чай на двоих – да это, наверное, недельное жалованье Ады. И потом, там же кругом люди.

– Я вас приглашаю, – добавил он. – Прошу, не отказывайтесь.

Вежливый, с хорошими манерами.

– Тем временем и дождь прекратится.

– Прекратится? – удивилась Ада. – Откуда вы знаете?

– Откуда? – переспросил он. – Я ему просто прикажу. – Он закрыл глаза, поднял зонт повыше, вытянул вверх свободную руку и трижды сжал и разжал кулак: – Айн, цвай, драй.

Ада не поняла ни слова в этом иностранном наречии.

– Посылаете дождик в рай?

– Шутите? – улыбнулся он. – Здорово. Так вы принимаете мое приглашение?

Он был таким любезным. Артистичным. А де нравилось это слово. Оно внушало ей ощущение легкости и беззаботности. Искристое слово, как шифоновая вуаль.

Почему бы нет? Никто из ее знакомых парней и думать не думал о том, чтобы сводить ее в «Риц» хотя бы разок.

– Спасибо. С удовольствием.

Он взял ее под локоть и повел через дорогу, через светящиеся огнями арки «Рица», в холл с хрустальными люстрами и фарфоровыми жардиньерками. Аде

хотелось сбавить темп, оглядеться, запомнить все это, но незнакомец уже увлек ее в галерею. Ей казалось, что она не идет, а плывет по красному ковру мимо широких окон, волнистых бархатных штор в складках и рюшах, мимо мраморных колонн – прямоком в зал с зеркалами, фонтанами и позолоченной лепниной.

Ада никогда не видела столь огромного, шикарного, блистательного пространства. И она улыбнулась так, словно попала в знакомую и привычную обстановку.

– Могу я взять ваше пальто? – Официант в черной двойке и белом фартуке.

– Не беспокойтесь, – ответила Ада. – Я оставлю его при себе. Оно немного сыровато.

– Вы уверены? – спросил официант.

Ей вдруг стало жарко, она поняла, что допустила промашку. В этом мире о вашей одежде заботятся камердинеры, горничные и лакеи.

– Нет, – быстро нашлась Ада, – вы правы. Пожалуйста, возьмите. Спасибо. – И еле удержалась, чтобы не добавить: смотрите не потеряйте. Торговец на уличном рынке в Бервике сказал, что это настоящая верблюжья шерсть, хотя у Ады на сей счет имелись сомнения.

Она повела плечами, освобождаясь от пальто, зная, что официант в фартуке довершит начатое, снимет с нее пальто, как кожуру, и повесит себе на руку. Зная также, что плечами она поводит медленно и грациозно.

– Как вас зовут? – спросил ее спутник.

– Ада. Ада Воан. А вас?

– Станислас, – ответил он. – Станислас фон Либен.

Иностранец. Ада в жизни не встречала иностранцев. Как это – она с трудом подыскала слово – экзотично.

– И откуда же происходит ваше имя, где его родина?

– В Венгрии. Точнее, в Австро-Венгрии, когда она была империей.

До сих пор Ада слышала только о двух империях – Британской, что угнетала туземцев, и Римской, убившей Христа. Оказывается, были еще какие-то, надо же!

– Я мало кому об этом рассказываю. – Он наклонился к ней: – На родине ко мне обращаются «граф».

– Боже правый! – вырвалось у Ады. Граф. – И замок у вас есть, и всякое разное? – Она знала, что сбивается на простонародный говорок. Но может, он не заметит, будучи иностранцем?

– Нет, – улыбнулся он, – не все графы живут в замках. Некоторые из нас довольствуются более скромными обстоятельствами.

Костюм у него был дорогой, в чем, в чем, а уж в этом Ада разбиралась. Шерстяной. И, очень возможно, из ткани высшего сорта. Серый. Отлично скроенный. Элегантный и неброский.

– На каком языке вы говорили тогда, на улице?

– На родном, – ответил он. – По-немецки.

– По-немецки? – опешила Ада.

Не все немцы плохие, говорил ее отец. Роза Люксембург, например. Мученица. И те, кто борется с Гитлером. И все же папе вряд ли понравится немецкая речь в его доме. Закругляйся, Ада. Рано тебе еще водить знакомство с такими людьми.

– А вы? – спросил он. – Что вы делали на Дувр-стрит?

Ада поколебалась секунду: не сказать ли, что она заходила к своей портнихе? Нет, не стоит.

– Я там работаю.

– Так вы независимая женщина! И кем же вы работаете?

Признаваться, что она портниха, пусть и дамская, Аде не хотелось. На модистку она пока не тянула, до уровня мадам Дюшан ей еще расти и расти.

– Манекенщицей, – вышла из положения Ада. Это целое искусство, добавила она про себя, но сказать вслух постеснялась.

Он откинулся на спинку стула. Ада чувствовала, как его взгляд медленно скользит по ее фигуре, словно по заманчивому пейзажу, которым не только легко восхититься, но и хочется затеряться в нем.

– Ну конечно, – произнес он. – Конечно. – Потом вытащил золотой портсигар из внутреннего кармана пиджака, открыл и поднес его Аде: – Сигарету?

Ада не курила. Не настолько она была утонченной. Как же поступить? Она побаивалась, что, взяв сигарету, потом закашляется от дыма. Это будет унижительно. Чай в «Рице» изобиловал подводными камнями, напоминая о том, сколь многое ей еще предстоит освоить.

– Не сейчас, спасибо.

Прежде чем закурить, он постучал сигаретой по портсигару. А затянувшись, выпустил дым из ноздрей. Пожалуй, Ада не отказалась бы научиться курить.

– И чья же вы манекенщица?

Вопрос вернул Аду на более твердую почву.

– Мадам Дюшан.

– Мадам Дюшан. Разумеется.

– Вы ее знаете?

– Моя двоюродная бабушка была ее клиенткой. Старушка умерла в прошлом году. Вы не были с ней знакомы?

– Я там недолго работаю, – ответила Ада. – Как ее звали?

Станислас рассмеялся, во рту блеснул золотой зуб:

– Не сумею вам ответить. Она столько раз выходила замуж, что не успеешь запомнить одно имя, как она уже его сменила.

– Наверное, это ее и доконало, – предположила Ада. – Все эти замужества.

И точно доконало бы, будь на то воля ее родителей. Она знала, что они скажут о Станисласе и его двоюродной бабушке. Нравственность гиены. В Германии все такие. Но Ада была заинтригована. Женщина не как все, женщина раскованная – освободившаяся от оков? Она чувствовала запах ее духов, видела ее томные жесты, вот она приближается, покачивая бедрами, требуя восхищения, словно кошка ласки.

– Мне нравится ваше чувство юмора, – откликнулся Станислас.

Дождь и в самом деле перестал, когда они вышли из «Рица»; на улице уже стемнело.

– Я обязан проводить вас до дома, – заявил он.

– В этом нет нужды, уверяю вас.

– Это меньшее, что может сделать для дамы джентльмен.

– В другой раз, – ответила Ада и в ту же секунду сообразила, что своим ответом поощрила молодого человека. – Я не то хотела сказать. Видите ли, я сейчас не прямо домой. Мне нужно кое-куда заехать. – Она надеялась, что он не проследит за ней.

– В другой так в другой, – согласился он. – Вы любите коктейли, Ада Воан? «Кафе Рояль» как раз за углом, и это мое любимое место.

Коктейли. С ума сойти. Твердая почва уходила у Ады из-под ног, ее с головой накрывало волною. Что ж, тогда она научится плавать, она ведь смышленная.

– Спасибо, – сказала она. – И благодарю за чай.

– Я знаю, где вы работаете, – напомнил он. – Я вас там подкараулю.

Он щелкнул каблуками, приподнял шляпу и зашагал вниз по Пикадилли. Она смотрела ему вслед. Родителям она скажет, что задержалась на работе.

Мартини, «Розовая леди», мятный джулеп. Постепенно Ада освоилась в «Кафе Рояль», и в «Савое», и в «Смитсе», и в «Рице». На рынке она купила искусственного шелка с изрядной скидкой и после работы сшила себе несколько платьев. Косой крой – и дешевая синтетическая ткань из невзрачной куколки обращается в порхающую бабочку, и Ада облачается в вечернее элегантное платье. Длинные перчатки, коктейльная шляпка. В самые модные заведения Ада входила без робости и стеснения.

– Ох и вскружил он тебе голову, – роняла миссис Б. каждую пятницу, когда Ада после работы отправлялась на свидание со Станисласом. Из опасения за свою репутацию миссис Б. не любила, когда в мастерскую заглядывали мужчины, но Станислас хорошо одевался и вел себя как человек светский, пусть это была и иностранная светскость. – Поберегись.

Ада скручивала колечки из серебристой бумаги, надевала на палец левой руки и красовалась перед зеркалом, когда ее никто не видел. Она воображала себя женой Станисласа, Адой фон Либен. Граф и графиня фон Либен.

– Надеюсь, у него честные намерения, – добавляла миссис Б. – Потому что лично я не припомню случая, чтобы джентльмен влюблялся по уши, да еще так стремительно.

Ада лишь смеялась в ответ.

– Да кто он такой? – кипятилась мать. – Будь он порядочным молодым человеком, он бы уже познакомился с твоим отцом и со мной.

– Мама, я опаздываю, – простонала Ада.

Мать стояла посреди коридора, загораживая входную дверь. Старые отцовские носки спускались ей на щиколотки, линялый передник был весь в пятнах.

– Мало того, что ты по пятницам являешься домой в непотребном виде, так ты еще повадилась шляться посреди недели. Что дальше?

– Почему я не могу провести вечер как мне хочется?

– О тебе станут судачить, – ответила мать. – Вот почему. И пусть он поостережется распускать руки. Никому не нужен второсортный товар, – с презрительной миной подытожила она и важно кивнула, словно ей было ведомо все про то, как устроен мир, где грех прячется за каждым углом.

Ничего-то ты не знаешь, подумала Ада, вслух произнеся:

– Ради бога. Он не из таких.

– Тогда почему ты не приведешь его домой? Позволь нам с отцом судить, из каких он.

Никогда его нога не ступит в этот домишко, зажатый с обеих сторон соседскими домами, заходящийся в дрожи, когда мимо идет поезд, с двумя комнатенками внизу, двумя наверху, с прачечной, пристроенной на задах, и уборной во двореке. Как признаться Станисласу, что ей приходится спать в одной постели с сестрами, а рядом, отгороженные занавеской, спят ее братья, постелив матрасы прямо на полу? Он растеряется, увидев столько малышни, путающейся под ногами. Мать старалась держать дом в чистоте, но сажа сгустками цеплялась за тюль, оседала на мебели, а иногда в летнюю пору они только и делали, что морили клопов, и проводили больше времени на улице, чем дома.

Ада не в силах была представить его здесь, нет, ни за что.

– Мне давно пора. Миссис Б. скостит мне жалованье.

– Если бы ты вчера вовремя вернулась домой, как подобает приличной девушке, – фыркнула мать, – то не была бы сейчас в таком состоянии.

Протиснувшись мимо матери, Ада выскочила на улицу.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь! – заорала мать так, чтобы все соседи услышали.

К остановке она бежала со всех ног, 12-й автобус едва не ушел у нее из-под носа. Позавтракать она не успела, голова раскалывалась. Миссис Б., возможно, забеспокоится: прежде Ада никогда не опаздывала на работу, никогда не брала больничный. Она неслась по Пикадилли. Июнь, но солнце жарило уже с утра. Значит, днем будет пекло. Миссис Б. должна купить вентилятор, в мастерской прохлада необходима, иначе булавки липнут к пальцам.

– Скажи ей, Ада, – попросила ее одна из девочек, противная дуреха по имени Авриль, совсем неотесанная. – Мы тут потеем прямо как свиньи.

– Свиньи потеют, – ответила Ада. – Джентльмены покрываются испариной. Леди пылают.

– А то. – Гримасничая, Авриль понюхала свой палец.

Пусть себе ехидничает, Аде наплевать. Скорее всего, девчонка ей завидует. Никогда не доверяйся женщинам, внушала ей мать. Что ж, хоть в чем-то мать оказалась права. Никого из знакомых женщин Ада не могла бы назвать своей лучшей подругой.

Часы на универмаге «Фортнэм» пробили четверть, Ада снова бросилась бежать, и тут наперерез ей шагнул человек.

– Думал, ты уже не придешь. – Станислас стоял перед ней на тротуаре, широко раскинув руки, будто ангел крылья. – Еще немного – и я бы отправился восвояси.

Ада вскрикнула от удивления и почти щенячьего восторга. Он явился, чтобы увидеться с ней до работы. Она чувствовала, что краснеет, жар щипал ей щеки. Она помахала ладонью, остужая лицо:

– Опаздываю в мастерскую. Разговаривать совсем некогда.

– Я тут подумал, почему бы тебе не взять выходной, – сказал он. – Прикинуться больной, например.

– Я потеряю работу, если миссис Б. узнает.

– Другую найдешь, – пожал он плечами. Станисласу никогда не приходилось работать, и он не понимал, как тяжело ей далось место у миссис Б. Ада Воан из Ламбета работает у модистки в Мэйфейре. – И потом, твоя миссис Б. ничего не узнает.

Он придвинулся к ней, взял ее подбородок в ладонь и провел губами по ее губам, как перышком пощекотал. Она потянулась к нему, не в силах с собой совладать, словно он – магнит, а она – горка металлических опилок.

– Чудесный денек, Ада. Слишком хороший, чтобы корпеть в четырех стенах. Жизнь проходит мимо тебя, так не годится. – От него пахло одеколоном, терпкий лимонный аромат. – Ты уже опоздала. Так зачем вообще приходить?

Порядки у миссис Б. были строгие. Опоздание больше чем на десять минут – и половину дневного жалованья долой. Для Ады это были немалые деньги. На тротуаре, рядом со Станисласом, она заметила корзину для пикника. Значит, он все распланировал.

– Куда ты собрался?

– В Ричмонд-парк. На весь день, до самого вечера.

Целый день. Только вдвоем, он и она.

– Что я ей скажу? – спросила Ада.

– Зуб мудрости. Этому всегда верят. Вот почему в Вене так много дантистов.

– При чем здесь дантисты?

– Тамошние важные шишки постоянно маются зубами мудрости.

Стоило это запомнить: недуг важных шишек, людей непростых; с простыми такого никогда не случается.

– Мм... – колебалась она. Полжалованья все равно уже потеряно. Если ее накажут, то хотя бы за дело. – Ладно, согласна.

– Горжусь моей Адой. – Он подхватил корзину, а другой рукой обнял ее за талию.

В Ричмонд-парке Ада сроду не бывала, но признаваться в этом не желала. Станислас так много знал, столь многое успел повидать и прочувствовать. Он бы запросто нашел себе женщину – породистую, отменно воспитанную женщину, принадлежащую к сливкам общества, вроде тех дебютанток, для которых Ада шила платья к первому балу, невероятно льстящие их внешности; именно эти юные леди держали предприятие миссис Б. на плаву. Впереди замаячили ворота парка – в два ряда чугунные копы с красивыми наконечниками. Внизу, меж сочной лесной зелени, петляла река, а дальше в просветах между деревьями мелькали меловые холмы Беркшира, отливавшие жемчугом и серебром под голубым небом. Солнце стояло высоко, и казалось, его ласка и тепло предназначались только Аде, лишь ей одной в целом свете.

Они вошли в парк. Перед ними в туманной дымке раскинулся Лондон: собор Святого Павла, лабиринты Сити. Земля была сухой, полузаросшие тропинки растрескались. Древние дубы с шершавыми стволами и цветущие каштаны высились стражами среди травяных кочек и свежего, будто накрахмаленного, папоротника. В воздухе стоял сладкий до приторности запах. Ада поморщилась.

– Так пахнут деревья, когда они занимаются любовью, – сказал Станислас.

Ада прижала ладонь к губам. Заниматься любовью. Никто в ее окружении не говорил о таких вещах. Может, мать права и он завлек ее сюда с определенной

целью? Ведь он берет от жизни все.

Станислас рассмеялся:

– Ты не знала? У каштанов цветки делятся на мужские и женские. По-моему, запах издают женские. А ты как думаешь?

Ада отвернулась. Подобные речи лучше игнорировать.

– Я люблю каштаны, – продолжил Станислас. – Горячие каштаны холодным зимним вечером. Нет ничего вкуснее.

– Да, – подхватила Ада, эта тема была более безопасной. – Мне они тоже нравятся. Конские и всякое разное.

И всякое разное. Как вульгарно. Ей надо следить за своей речью.

– Конский – не слишком сытный сорт каштана, – сказал Станислас.

Откуда ей было знать? Ей еще учиться и учиться. Заметил ли он, насколько она невежественна? Если и заметил, то виду не показывал. Настоящий джентльмен.

– Расположимся здесь, у пруда. – Он поставил корзину на землю, вынул скатерть и, прежде чем расстелить ее на траве, встряхнул – скатерть выгнулась летящим лебедем.

Знай Ада, что ей придется сидеть на траве, она бы надела платье с широкой юбкой и подоткнулась бы ею со всех сторон, чтобы ничего не было видно. Она опустила на крепко сжатые колени, села, сложив колени вбок, и как можно ниже натянула юбку.

– Леди обычно так и сидят, – прокомментировал Станислас. – Но ты и есть леди, Ада. – Он разлил имбирное пиво в высокие стаканы, вручил один ей и уселся напротив. – Очаровательная леди.

Никто еще не называл ее «очаровательной». С другой стороны, у нее и парня никогда раньше не было. Парень. Станислас был мужчиной. Зрелым, опытным.

Ему по крайней мере лет тридцать, прикинула она. А может, и больше. Он подался вперед, передавая ей тарелку и салфетку. Существовало отдельное слово для такой салфетки, но Ада никак не могла его вспомнить. Дома на Сид-стрит такие вещички были не в ходу. Затем Станислас извлек из корзины курицу, какая роскошь, свежие помидоры и крошечные солонку с перечницей.

– Bon appetit[1 - Приятного аппетита (фр.)], – улыбнулся он.

Как съесть курицу, не перемазав лицо жиром, размышляла Ада. Все сегодня для нее было внове. Пикник. Она принялась отщипывать мясо по кусочку и класть в рот.

– Ты будто сошла с обложки журнала, – сказал Станислас. – Журнала «Вог». Такая же красивая и загадочная.

Ада опять покраснела. Она потерла шею, притворяясь, что ей жарко, и надеясь, что Станислас не разгадает ее маневра.

– Спасибо.

– Нет, это не пустой комплимент, – продолжил он. – С первого же взгляда на тебя я понял: ты особенная. Все в тебе особенное. Внешность, то, как ты держишься, как одеваешься. Модно. Оригинально. А когда ты сказала, что создаешь одежду... О-о! Ты далеко пойдешь, Ада, поверь. – Он оперся на локоть, вытянул ноги, сорвал травинку и пощекотал легонько ее голую лодыжку. – Знаешь, где тебе самое место?

Ада покачала головой. Прикосновение травинки было приятным. Ей хотелось, чтобы он снова до нее дотронулся, провел пальцем по ее коже и она бы ощутила дыхание поцелуя.

– В Париже. Я так и вижу, как ты плывешь по бульварам и все оборачиваются тебе вслед.

Париж. Станислас прочел ее мысли! «Дом Воан». От миссис Б. она слыхала, что мэзон по-французски означает «дом». Мэзон Воан.

– Я бы хотела поехать в Париж. Стать настоящей модисткой. Кутюрье.

– Что ж, Ада, мне нравятся мечтатели. Посмотрим, что мы можем сделать.

Ада закусила губу, чтобы не взвизгнуть от радости.

Станислас сел, обхватил руками колени. А потом указал на густой папоротник справа.

– Смотри, – тихо произнес он. – Олень. Крупный.

Ада проследила за его взглядом. Не сразу, но она разглядела животное в зеленых зарослях: гордо посаженная голова, свежие шишки на лбу, из которых вырастут рога.

– Они отращивают их весной, – пояснил Станислас. – По побегу на каждый год жизни. У этого к концу лета будет не меньше дюжины отростков.

– Надо же, – удивилась Ада.

– Сейчас ему одиноко, в это время года, – продолжал Станислас. – Но наступит осень, и он обзаведется целым гаремом. Завоюет в битвах с соперниками. И все женщины достанутся ему.

– Мне это не кажется правильным, – заметила Ада. – Я бы не хотела делить своего мужа с кем-нибудь еще.

Станислас глянул на нее искоса. Ну конечно, она опять сморозила глупость. Не при Станисласе с его жизненным опытом и многозамужней тетушкой такое говорить.

– Речь не о женщинах, – сказал он. – О мужчинах. Побеждает сильнейший, вот в чем тут дело.

Ада не совсем поняла, что он имеет в виду.

– Зуб мудрости, – отбарабанила Ада.

Миссис Б. приподняла накрашенную бровь:

– Зуб мудрости? Не пытайся морочить мне голову.

– Ничего подобного!

– Я не вчера родилась. Ты не единственная, кто прогулял работу в погожий летний денек. Авриль я отправила восвояси.

Ада сглотнула. Зачем только она поддалась на уговоры Станисласа?! Миссис Б. уволит ее. Она останется без работы. Что она скажет матери? Ей придется найти новое место сегодня же, пока не спустилась ночь. Знаешь, мам? Я поменяла работу. И совет, иначе нельзя. У миссис Б. дела идут не очень.

– Ты знала, что поступило много заказов. Как, по-твоему, я с ними управилась бы?

– Простите. – Ада прижала ладонь к щеке, подражая жесту Станисласа, вспоминая прохладную мягкость его прикосновения. Раз соврала, стой на своем. – Он распух. И так сильно болел.

– Ну да, – хмыкнула миссис Б. – Будь на твоём месте любая другая девушка, я бы уже выставила ее за дверь. Только потому что ты хорошо работаешь и нужна мне, я позволю тебе остаться.

Ада уронила руку:

– Спасибо. – Она всем телом чувствовала облегчение. – Мне очень жаль. Я не хотела вас подводить. Больше такого не случится.

– А если случится, – подхватила миссис Б., – второго шанса я тебе не дам. А теперь иди работай.

Ада шагнула к двери кабинета миссис Б., взялась за ручку.

– Ты действительно хороша, Ада, – раздался голос хозяйки. Ада обернулась. – Самая талантливая девушка из всех, кого я видела на своем веку. Не стоит губить свое будущее ради мужчины.

Ада смутилась, кивнула.

– В следующий раз я не буду такой покладистой, – добавила миссис Б.

– Спасибо, – повторила Ада и улыбнулась.

Тонкими пальцами она взяла сигарету, поднесла к губам. Нога на ногу, лодыжки сплетены, словно веревочные пряжи. Ада затянулась и с ангельской улыбкой склонила голову набок, наблюдая, как струйки дыма выходят из ее ноздрей. Чуть подалась вперед, взяла бокал мартини. Ресторан «Гриль». Бархат, красные сиденья, золотистые потолки. И зеркала, в которых она и Станислас отражались тысячи раз. В зеркальной бесконечности они становились другими людьми – безмянным мужчиной в элегантном костюме и женщиной в красновато-розовом платье, достойном Голливуда.

– Ты очень красивая, – сказал Станислас.

– Неужели? – Ада надеялась, что ее голос звучит равнодушно, ноншалан, новое французское словечко, подхваченное у миссис Б.

– Ты можешь свести с ума.

Ада расплела ноги, наклонилась и похлопала его по колену:

– Не забывайся.

Бурный роман, так об этом написали бы в журнале «Только для женщин». Любовный вихрь, закруживший Аду. Она обожала Станисласа.

– У нас сегодня юбилей, – сказала она.

– Да?

– 14 июля. Ровно три месяца. – Ада сделала паузу. – Три месяца с того апрельского дня, когда я встретила тебя под проливным дождем.

– Юбилей? – улыбнулся Станислас и нахмурил лоб в задумчивости. Аде уже было знакомо это выражение на его лице. – Тогда мы должны куда-нибудь поехать. Отпраздновать. Куда-нибудь в романтическое место. В Париж. Пари, как говорят французы.

Париж. Пари. Она мечтала увидеть Париж, после пикника в Ричмонд-парке эта мысль не выходила у нее из головы.

– Едем? – спросил он.

Ада не предполагала, что он примет решение так быстро. Тем более сейчас, когда все только и говорят, что о Гитлере и бомбоубежищах.

– А разве войны не будет? Не переждать ли нам немного?

– Война? – Он махнул рукой. – Не будет никакой войны. Все это пустая болтовня. Гитлер получил все, что хотел. Забрал обратно свои немецкие земли. Он не сквалыга, поверь мне.

Отец Ады думал иначе, но Станислас был человеком образованным, он должен лучше разбираться в том, что происходит.

– Ты же хотела поехать, – продолжил Станислас. – Увидишь настоящую французскую моду. Поднаберешься новых идей. Опробуешь их здесь. И быстро сделаешь себе имя.

Ада открыла было рот, но что-то ее остановило. Закусив губу, она прикидывала в уме. Родители ни за что не отпустят ее в Париж, и не только из-за разговоров о войне. Одну с мужчиной? Нет, никогда. Они знали, что она с кем-то встречается, и это лишь удваивало их бдительность. Иностранец в качестве жениха им определенно не понравится. Она говорила им, что он провожает ее домой каждый вечер, так что им не о чем беспокоиться. Станисласу же говорила, что

ее родители очень больные люди и поэтому в их доме не бывает гостей. Ей придется пропустить несколько рабочих дней, выдумать причину для отъезда, иначе ее уволят. Что она скажет миссис Б.?

– У тебя есть паспорт? – спросил Станислас.

Паспорт.

– Нет. А где его берут?

– Я, конечно, здесь чужак, – ухмыльнулся Станислас, – но английские друзья рассказывали мне о заведении на Петти-Франс, где их выдают.

– Завтра же пойду туда, в обеденный перерыв. Ты меня дождешься?

Родителям она скажет, что миссис Б. посылает ее в Париж отсмотреть новые коллекции и закупить модные ткани. А у миссис Б. она спросит, не захочет ли та в самом деле дать ей такое поручение.

Да только служащий в паспортном отделе сказал, что нужна ее фотография и свидетельство о рождении, а поскольку ей вряд ли исполнился двадцать один год, бумаги должен заполнить ее отец. Паспорт они могут выдать через сутки, но лишь при условии крайней необходимости; во всех прочих обстоятельствах документы готовят полтора месяца.

– Но, – добавил он, – в настоящее время, мисс, мы не рекомендуем путешествовать за границу, особенно в континентальную Европу. Дело идет к войне.

Война. Только о ней и слышно кругом. Станислас никогда не говорил о войне, и Ада была ему благодарна. Иначе им не было бы так хорошо вдвоем.

– А дойдет ли? Что толку пугаться заранее.

Служащий нахмурился, приподнял бровь. Может, она проявила легкомыслие, но даже если война и начнется, то не завтра, у них со Станисласом полно времени в

запасе.

Недовольно шмыгнув носом, Ада сложила бумаги в сумку. Просить отца заполнить за нее бумаги она не будет. Это поставило бы крест на Париже. Она никогда не говорила Станисласу, сколько ей лет, а он не спрашивал. Но узнай он, что она несовершеннолетняя, возможно, струхнул бы и потерял к ней интерес. Она – вольная птица, повторял Станислас, он понял это сразу, как только ее увидел. И Аде не хотелось его разубеждать.

Решение пришло в тот же день. Когда миссис Б. выписывала счет для леди Макнис, Ада вспомнила своего отца: вот он берет ручку и начинает писать – медленно, аккуратно, соединяя буквы петельками и накидами, они у него словно вальсировали. Девочкой Ада любила смотреть, как отец заставляет буквы выделять танцевальные па, и пыталась копировать его почерк. Подделать такой почерк легко, служащий на Петти-Франс ничего и не заподозрит. Она сознавала, что поступает дурно, но что ей еще оставалось? На карточку она снимется завтра, в обеденный перерыв. На рынке Хеймаркет работает фотограф. Снимок будет готов к выходным. В субботу она отправится в публичную библиотеку, заполнит бумаги, а в понедельник отнесет их в паспортный отдел. И очень скоро все будет готово к отъезду.

– Тогда «Лютеция», – заявил Станислас. – Ни одна гостиница с ней не сравнится. Сен-Жермен-де-Пре. – Он сжал ее руку: – Ты когда-нибудь путешествовала по воде?

– Только по реке. – Ада ездила на пароме в Вулвич.

– Не волнуйся, – сказал он. – Август – отличный месяц для мореплавания. Никаких штормов.

Ада все продумала. Родителям сказать, конечно, надо, но она сделает это после отъезда. Пошлет им открытку из Парижа, чтобы они не обратились в полицию и не объявили ее без вести пропавшей. Когда она вернется, скандал разразится страшный, но к тому времени они со Станисласом уже обручатся, Ада в этом почти не сомневалась. Миссис Б. она скажет, что собирается в Париж на выходные, и поинтересуется, не привезти ли хозяйке образцы тканей, тиссю, переведет она на французский. Миссис Б. наверняка обрадуется и объяснит, в

какие магазины нужно идти за тканями. Как мило, мадемуазель, что в свои выходные вы не отказываетесь поработать, – парижане, они ведь обходительные. Заодно Аде будет чем заняться в Париже, и она поднаберется новых идей. А пока она отнесет в мастерскую платья, которые намерена взять с собой в Париж, по одному за раз. Иногда она приносит на работу бутерброды в небольшой хозяйственной сумке, экономя на обеде. Стояло лето, платья и юбки были из легких тканей – искусственного шелка или льняного батиста. Ада знала, как свернуть их, чтобы они не помялись в сумке и не заняли много места. Одежду она спрячет в своем шкафчике, где висит ее зимнее пальто и где она держит сменную обувь. Туда никто не заглядывает. Ей понадобится чемодан. В кладовке у миссис Б. их полно, и дверь никогда не запирается. Ада позаимствует один чемодан. У нее были ключи от мастерской. В назначенный день она придет пораньше и быстро уложит вещи. Потом сядет на автобус до Чаринг-Кросс, явится на вокзал загодя, они со Станисласом уговорились встретиться под часами.

– Париж? – Голос миссис Б. прозвучал как автомобильный гудок. – Родители знают?

– Конечно. – Ада пожала плечами, развела руками. Конечно.

– Но скоро начнется война.

– Не начнется, – возразила Ада, хотя теперь она чуть ли не каждый день слышала жутковатые тренировочные завывания сирен и видела, как в Кенсингтонском парке строят бомбоубежище. – Мы не хотим войны. Гитлер не хочет войны. Русские не хотят войны.

Та к говорил ей Станислас. И ему виднее, разве нет? А кроме того, когда еще ей выпадет шанс оказаться в Париже? Ее отец насчет войны думал совсем иначе, но Ада не прислушивалась к его мнению. Отец даже собрался вступить в отряд ГО, гражданской обороны, с нажимом расшифровывал он, чтобы Ада не вообразила, будто он поддерживает империалистическую войну. Теперь отец не выходил из комнаты, когда мать начинала читать вслух свежую листовку. Важно научиться надевать противогаз быстро и правильно...

– Но они хотят эвакуировать Лондон, – возразила миссис Б. – Детишек. Через несколько дней. По радио передавали.

Троих из младших братьев и сестер Ады увозили в далекий Корнуолл. Мама плакала с утра до вечера, папа вышагивал по дому, схватившись руками за голову. Ба! – думала Ада. Пустые тревоги. Люди такие пессимисты. Им бы только пострадать. Дети скоро вернутся домой. И почему из-за этого она должна отказаться от поездки? В Париж! Мама побушует и утихомирится. Ада привезет ей подарок. Духи. Настоящие духи во флаконе.

– Я вернусь во вторник утром, – заверила Ада хозяйку. – Живая и здоровая. – Помолвленная. В мечтах Ада представляла, как Станислас делает ей предложение, опустившись на одно колено. Мисс Воан, не окажете ли мне честь... – Мы уезжаем всего на пять дней.

– Надеюсь, права ты, а не я, – вздохнула миссис Б. – Хотя будь ты моей дочерью, я бы глаз с тебя не спускала. – Взмахом руки она указала на большие окна мастерской, заклеенные крест-накрест бумажной лентой, призванной уберечь работниц от осколков, и на черные шторы для затемнения. – А твой воздыхатель? – после паузы спросила миссис Б. – На чьей он будет стороне?

Аде такой вопрос и в голову не приходил. Само собой разумелось, что Станислас будет на их стороне. В конце концов, он живет здесь. Но если он говорит по-немецки, возможно, ему придется вернуться на родину и воевать за Германию. Тогда она последует за ним. Если они предназначены друг другу, она останется верна ему, куда он, туда и она, что бы там ни было.

– В прошлую войну, помнится, – продолжила миссис Б., – всех немцев взяли под стражу, тех, кто находился здесь.

– Вообще-то он не немец, – возразила Ада. – Просто говорит на этом языке.

– И зачем он сюда явился?

Ада недоуменно пожала плечами:

– Ему здесь нравится.

Ада никогда его об этом не спрашивала. Как и никогда не спрашивала, на какие средства он живет. Не было нужды. Ведь Станислас был графом. Но если его

арестуют, это не так уж плохо: она сможет его навещать, и его не отправят на войну. Он не погибнет, а война не будет длиться вечно.

– Не шпион ли он? – прищурилась миссис Б. – А ты – его прикрытие.

– В таком случае, – Ада постаралась, чтобы голос не дрогнул, – это еще интереснее и веселее.

– Что ж, если ты знаешь, что делаешь... – Миссис Б. помолчала, улыбнулась немного криво. – По правде говоря, в Париже есть одно-два места, куда тебе стоило бы наведаться. – Она вынула листок бумаги из письменного стола и начала писать.

Ада взяла листок: рю Дорсель, пляс Сен-Пьер, бульвар Барбе.

– Давненько я не была в Париже. – В голосе миссис Б. слышалась такая тоска, какой Ада прежде за ней не знала. – Эти места расположены в основном на Монмартре, на Правом берегу. (Станислас упоминал Сену.) И будь осторожна.

Их гостиница находилась на Левом берегу, там, где живут художники.

Вокзал Чаринг-Кросс был битком набит издерганными женщинами и хнычущими детьми, сердитыми стариками, мужчинами, озабоченно поглядывающими на свои наручные часы, ошалелыми молодыми парнями в военной форме. Ополченцы, предположила Ада, либо резервисты. Время от времени в толпе прокладывал себе путь локтями доброволец ГО, призывая «держаться левой стороны!». К ним теперь относились всерьез, будто ГО и вправду делала важную работу. Объявили посадку на поезд в Кент, и люди рванули вперед, огромная человеческая лавина. Ада держала оборону под вокзальными часами, ее пихали со всех сторон, стучаясь лодыжками о ее чемодан. Посторонитесь, мисс. Этот безумный ажиотаж только добавлял Аде волнения. Что, если он не придет? Что, если она его упустит? Она вдруг сообразила, что не знает, где искать Станисласа в экстренном случае. Телефона у него не было. Жил он в Бейсуотере, но по какому адресу? Мимо протиснулась женщина с двумя детьми, мальчиком в серых коротких брючках и девочкой в желтом платьице с оборками. Выходит, подумала Ада, что о Станисласе она почти ничего не знает. Даже сколько ему лет. По его словам, он был единственным ребенком в семье. Мать с отцом

умерли, как и многожизненная тетя. Ада понятия не имела, зачем он приехал в Англию. Может, он и впрямь шпион.

Она рехнулась. Нельзя ей ехать. С человеком, о котором известно так мало. Мать не зря страшила ее. Белое рабство. Тебя уколут булавкой, и ты потеряешь сознание, а очнешься в гареме. И все эти люди вокруг. Солдаты. ГО. Война действительно будет. Станислас говорил ерунду. Может, он шпион. Враг. Ей нельзя ехать.

Она увидела его. Станислас стоял прислонившись к столбу, в синем блейзере и белых летних брюках, кожаная сумка у ног. Ада глубоко вдохнула. Он пока ее не заметил. Можно развернуться и отправиться домой. На это еще есть время.

Но тут он уткнулся в нее взглядом, ухмыльнулся и начал пробираться к ней, закинув сумку на плечо. Шпион, как же. Ада вспыхнула от смущения. Он упорно пробивался к ней. Все будет хорошо. Замечательно. Прекрасно. До чего он хорош собой, и даже очки его не портят. Честный человек; глядя на него, кто в этом усомнится. Вдобавок человек со средствами. Ей не о чем беспокоиться. Какая же она глупая. От широкой улыбки по его лицу побежали морщинки. Станислас ускорил шаг, он был явно рад ее видеть. Значит, ее Париж состоится, Париж Ады Воан, жительницы Сид-стрит, что в Ламбете, сразу за кварталом Пибоди.

На Гар-дю-Нор давились и потели так же, как и на Чаринг-Кросс, разве что в здании вокзала жара и духота еще сильнее, а толпа еще более шумная и неуправляемая. Ада изумленно озиралась. Почему они не встанут в очередь? Зачем так кричать? Путешествие утомило ее. Накануне ночью ей не спалось, а в поезде до Дувра не нашлось ни одного свободного сидячего места. Когда пересекали Ла-Манш, ее тошнило, и неожиданно для нее самой от зрелища белых скал, уменьшавшихся на глазах до тонкой полоски суши, у нее защемило сердце. В голове билась страшная мысль: а вдруг война все же начнется и они здесь застрянут? На побережье она не могла не заметить мотки колючей проволоки, изготовившейся вцепиться и порвать врага. Голодные чайки парили над пустынными пляжами и чешуйчатыми пластами гудрона в ожидании кусков свежей плоти. Военные корабли в Ла-Манше. Миноносцы, пояснил Станислас; эти металлические громадины, серые, как вода, тоже чего-то ждали.

На судне Станислас преподнес ей кольцо:

– Надеюсь, по размеру. – Одним движением он надел ей кольцо на средний палец.

Тонкая полоска золота. Не настоящего золота, сразу смекнула Ада.

– Советую не снимать его, – добавил Станислас.

Не так она представляла себе предложение руки и сердца, но это, судя по всему, и не было предложением. У Ады снова сдавило желудок, и она перегнулась через борт корабля.

– Я заказал номер на мистера и миссис фон Либен.

– Один номер? – слабым голосом переспросила она.

– Конечно. А ты как думала?

Она не из таковских. Неужели он не понял? Она бережет себя для их первой брачной ночи. Иначе он перестанет ее уважать. Но куда ей теперь деваться? Денег у нее не было. За все платил Станислас и, понятно, рассчитывал на кое-что взамен. Миссис Б. намекала на нечто подобное.

– В чем дело? – рассмеялся Станислас.

Она наклонилась над поручнями, надеясь, что ветер остудит голову, раскалившуюся, как пушечное ядро. Она была не готова к этому. Она думала, что он джентльмен. Эти светские женщины, они все распутницы. Отец всегда так говорил. Станислас решил, что она – одна из них. Но неужели он не догадался, что все это притворство? То, как она одевается, как говорит. Притворство от начала и до конца. Ада дышала ртом, легкие саднило от соленого воздуха. Станислас обнял ее за плечи. Вольная птица. Прижал к себе покрепче, взял в ладонь ее лицо, повернул к себе и поцеловал. Что ж, наверное, через многое приходится пройти, чтобы стать женщиной.

Хозяин гостиницы извинялся. Они были так заняты, с этими художниками, музыкантами, беженцами столько хлопот, знаете ли, мсье, мадам... Номер был небольшой. Две односпальные кровати под покрывалами с рюшами. Две кровати. Какое облегчение. Рядом со спальней ванная комната: черная и белая плитка и туалет со смывом. В комнате крошечный балкончик, откуда открывался вид на весь Париж. Ада могла любоваться Эйфелевой башней.

Ночью в Париже было темно, как в Лондоне. Днем пекло солнце, сиявшее на чистом небе. Они бродили по бульварам, площадям, и Ада старалась не обращать внимания ни на мешки с песком, ни на громкий нервный смех, раздававшийся в уличных кафе, ни на молодых солдат в форме цвета загара и боевой экипировке. Она влюбилась в этот город. И она была уже влюблена в Станисласа. Ада Воан разгуливает по Парижу, не где-нибудь и не с кем-нибудь, но с графом-иностранцем.

Он то держал ее за руку, то брал под локоть, уведомляя весь мир: моя девушка. А ей он говорил:

– Я самый счастливый человек на земле.

– А я самая счастливая женщина.

Легчайший поцелуй. Спали они в разных постелях.

Левый берег. Правый берег. Рю Дорсель, пляс Сен-Пьер, бульвар Барбе. Ада прижимала к щеке шелк, гладила нежный атласный шармез и оставляла следы на бархате, проводя по нему пальцами. Станислас купил ей отрез муара цвета сочной свежей зелени, который мсье продавец назвал шартрез. Вечером Ада перекинула ткань через плечо, обернула вокруг ног и закрепила всю конструкцию бантом на талии. Голые лопатки подчеркивали стройность ее фигуры, и, глядя на себя в зеркало в ванной, она предвкушала, как взгляд Станисласа будет скользить по ее спине и изящным округлостям бедер.

– Гениально! – воскликнул Станислас и заказал два бренди и два коктейля «шартрез» отпраздновать достижение Ады.

На улице Камбон Ада впиалась жадными глазами в фасад «Ателье Шанель».

– Самородком, вот кем она была. – Порою английский Станисласа был настолько хорош, что Ада забывала о его иностранном происхождении. – Алмазом в навозной куче.

Он не хотел никого обидеть, а история Шанель, рассказанная им, приободрила Аду. Бедная девчонка достигла немыслимых высот вопреки всему.

– И заметь, – подмигнул Станислас, – у нее был богатый поклонник, да не один, они-то и помогли ей начать свое дело.

Мигом узнаваемая манера, размышляла Ада. Почерк, который не спутаешь ни с каким другим.

К этому и нужно стремиться. Как и у Шанель, своим особым почерком будет выделяться «Дом Воан» на фоне прочих. Ну и от помощи поклонника тоже не стоит отворачиваться, если без этого никак не обойтись.

– Париж, – объявила Ада, когда они возвращались обратно через Люксембургский сад, – город как раз по мне.

– Тогда мы здесь задержимся. – И он опять легонько чмокнул ее в щеку.

Да, хотелось ей крикнуть, навсегда!

В их последнее утро оба проснулись от воя сирен. На секунду Аде почудилось, что она снова в Лондоне. Станислас соскочил с кровати, открыл рывком металлические ставни и вышел на балкон. Квадрат дневного света упал на ковер и на изножье постели Ады, и сквозь открытую балконную дверь она увидела, что синее небо больше не кажется свежим и словно умытым. Неужто они проспали до полудня?

– Очень тихо, – сообщил Станислас с балкона. – Ненормально тихо. – Он вернулся в комнату: – Что-то с Парижем не так... Ну и ладно, мы же сегодня уезжаем.

Они возвращаются домой, а Станислас до сих пор не сделал ей предложения, но и не воспользовался ее слабостью. Может, даже ее родители не стали бы

ругаться, расскажи она правду. Но лучше соврать. К тому же она заранее все продумала. Скажет, что ездила в Париж с одной девушкой из мастерской по поручению миссис Б. Жили они в одном номере. Гостиница была невероятно шикарной.

– Вставай, – отрывисто бросил Станислас, торопливо одеваясь; Ада свесила ноги с кровати. – Жди меня здесь.

Скрежет замка – и за Станисласом захлопнулась дверь. Ада побежала в ванную, открыла краны и с грустью смотрела, как теплая вода наполняет ванну, булькая и растворяя добавленные ею соли. Она успела отвыкнуть от корыта с кипятильником на кухне в Ламбете. От помывки раз в неделю куском дешевого мыла.

Минул час. Ада села, загребла руками остывшую воду, и та выплеснулась через край на пробковый коврик на полу. Ада встала на коврик, взяла полотенце, завернулась в пушистую ткань, наслаждаясь мягким хлопковым ворсом в последний раз. Париж. Я вернусь. Выучу французский. Это не займет много времени. Ада уже освоила несколько фраз: *merci, s'il vous plait, au revoir*[2 - Спасибо, пожалуйста, до свидания (фр.)].

Вернувшись в комнату, она надела сорочку и трусы. К их свадьбе со Станисласом она приготовит настоящее приданое. Разумеется, за все заплатит он. На свое жалованье Ада едва может позволить себе панталоны. Она купит комбинацию, а то и две, и пеньюар. Всего три дня в Париже, а сколько новых слов она узнала! Ада взглянула на часы на прикроватной тумбочке. Станисласа не было уже довольно долго. Распахнула дверцы платяного шкафа. Сегодня она наденет платье в диагональную полоску с рукавами-фонариками и воротником-галстуком. Ада чуть с ума не сошла, подгоняя полоски, а сколько ткани извела, обрезков хватило бы еще на одно платье, но оно того стоило. Гибкие, как кошки, темно-зеленые с белыми косые полоски повторяли движения ее тела. Ада втянула щеки, так она еще более неотразима. Она была благодарна Станисласу за то, что он выходил из комнаты, когда она утром одевалась, а вечером раздевалась. Истинный джентльмен.

Раздался тихий стук в дверь – их сигнал, – однако Станислас ввалился в номер, не дожидаясь ответа.

– Война. – Лицо у него было пепельным, осунувшимся.

Аде вдруг стало зябко, хотя в комнате было тепло, она вдруг как-то ослабла. Войны не должно было быть.

– Уже объявили?

– Пока нет, – ответил Станислас. – Но офицеры, которых я встретил внизу, сказали, что их мобилизовали и войска привели в полную готовность. Гитлер вторгся в Польшу. – Ада впервые слышала, чтобы он говорил с такой отчаянной злостью.

Война. Сколько Ада себя помнила, ей приходилось отмахиваться от этого слова, как от назойливой осы. Но «оса» неустанно кружила рядом, и Ада научилась терпеть ее болезненные укусы. Отец плакал только раз в год, каждый ноябрь; в шляпе с высокой тульей, траурном сюртуке он будто съеживался, с трудом извлекая слова из памяти, замутненной газами. Он пел гимн в честь своего брата, погибшего в Великую войну. Достаточно храбр, чтобы умереть за свою страну, но недостаточно хорош для чертова орденового Креста; солдатская медаль – и только. Ему было всего семнадцать. Господь нам подмога во веки веков...

Война. Мать молилась за своих братьев, которых Ада никогда не видела, сгинувших в ненасытной утробе Ипра и Соммы; пропали без вести, предположительно погибли, погребены в топкой грязи на поле боя. Исчезло целое поколение молодых мужчин. Поэтому тетя Лили так и не вышла замуж, а тетя Ви ушла в монастырь. Только говоря о войне, мать прибегала к непристойностям. Сраная бойня. Столько людей положили. И за что? Хуже смерти, чем утонуть в трясине, Ада не могла вообразить.

– Мы должны вернуться домой. – Ада плохо соображала, голос ее срывался. Война внезапно стала реальностью. – Надо сообщить моим родителям. – Она надеялась, что они не получили ее открытки. Иначе их удар хватит.

– Я послал им телеграмму, – сказал Станислас. – Прямо отсюда, из гостиницы.

– Телеграмму? – Телеграммами сообщают только о смерти. Да они обезумеют, когда к ним явится почтальон.

– Они ведь тяжело больны, – пояснил Станислас. – Им просто необходимо знать, что ты жива-здорова.

Ада забыла о том, что наговорила ему. Ну конечно.

– Ты... – она замялась, подыскивая слова, – очень добр. И внимателен.

Поступок Станисласа тронул ее. Во всей этой неразберихе его первая мысль была о ней. И о ее родителях. Ей стало стыдно. Она наплела ему, что родители не выходят из дома. Может, даже сказала, что они прикованы к постели. Она непременно с этим разберется, когда вернется домой, и все исправит. Хватит лгать.

– Телеграмму я отправил на имя миссис Б., я же не знаю твоего адреса. Она даст знать твоим родителям. Полагаю, все будет в порядке. – И, прежде чем Ада успела ответить, Станислас добавил: – Кто присматривает за ними? Ты оставила их в надежных руках?

Ада кивнула, но в его взгляде читалось неодобрение.

Собирались они молча. Гостиничный холл оккупировали офицеры в голубой форме. Попадались и солдаты. Ада никогда не видела столько военных сразу. Прочие постояльцы – многих Ада знала в лицо, встречала их по вечерам в ресторане – либо спорили о чем-то, сбившись в кучки, либо, навалившись на стойку портье, кричали и размахивали руками. Ада ощущала мускусный запах взбудораженных мужчин, и бушевала в них не похоть – кровь.

– Следуй за мной. – Станислас взял ее чемодан. Они пробрались сквозь толпу к вращающимся дверям парадного входа. – Гар-дю-Нор, – бросил Станислас мальчику-посыльному, и тот свистнул, подзывая такси.

Улица, еще утром пустынная и пугающе тихая, наполнилась звуками: по тротуарам сновали люди, мимо с ревом проносились автомобили. И ни одного такси, ни единого. Ада понятия не имела, далеко ли до вокзала. У нее сдавило виски. Неужто они застрянут здесь, во Франции? Не смогут вернуться домой? Наконец вдалеке замаячило такси, и расторопный мальчик-посыльный подогнал

машину к крыльцу.

– Ты не расплатился, – сказала Ада, когда они отъехали от гостиницы.

– Я все уладил. Когда отправлял телеграмму.

Ада закрыла глаза.

Чем ближе к вокзалу, тем плотнее по обочинам вырастала живая стена: мужчины, женщины и дети, старые и молодые, солдаты, полицейские. Большинство нагружено чемоданами или заплечными мешками, и все двигались в одном направлении – к вокзалу Гар-дю-Нор. Двигались молча, разве что в коляске, доверху заваленной тюками, хныкал ребенок да раздавались крики полицейских: *Attention! Prenez garde!* [3 - Внимание! Соблюдайте осторожность! (фр.)] Стиснутые со всех сторон, люди не могли пошевелиться. Весь Париж обратился в бегство.

Последний километр Аде и Станисласу пришлось идти пешком. Таксист остановил машину, всплеснул руками и открыл дверцу: *C'est impossible* [4 - Это невозможно (фр.)].

– Это безнадежно, – сказала Ада. – Другой дороги нет? – Сзади на них напирала толпа. Ада быстро огляделась, увидела переулок, но тот был запружен людьми, как и широкий проспект. – Что нам делать?

Станислас задумался на секунду и сказал:

– Переждать, пока схлынет толпа. Люди в панике. Ты же знаешь, каковы эти латинские народы. Возбуждаемые. Эмоциональные.

Используя чемодан в качестве тарана, он проторил проход сквозь человеческую стену.

– Выпьем кофе, – предложил он. – Поедим. А попозже совершим вторую попытку. Не волнуйся, золотко.

Ада предпочла бы чашку чая, крепкого, без молока, с двумя кусочками сахара. Кофе – это, конечно, хорошо, если налить в него побольше сливок, но Ада сомневалась, что когда-нибудь привыкнет к этому напитку. Дальше от вокзала толпа стала пореже. Они нашли маленькое кафе на бульваре Барбе со столиками на улице.

– Мы здесь были, – припомнила Ада, – покупали ткани. Это совсем рядом. – Она показала пальцем в ту сторону, где, по ее мнению, находился магазин.

Сидя на краешке стула, Станислас достал сигареты и закурил одну, не предложив Аде. Он был рассеян и явно не в настроении, часто затягивался, стряхивая пепел на тротуар. Затушив сигарету, он тут же раскурил следующую.

– Все хорошо, – попробовала Ада его утешить. – Мы выберемся отсюда. Не беспокойся.

Она погладила его по предплечью, но он сбросил ее руку.

Официант принес кофе. Станислас положил в чашку сахар и принялся размешивать так энергично, что бурые капли выплеснулись на блюдце. Челюсти у Станисласа были стиснуты, но губы шевелились, словно он разговаривал сам с собой.

– Нашел из-за чего убиваться. – Ада сочла необходимым развеять его дурное настроение. – Нет худа без добра. Почему не остаться в Париже еще на денек?

Сама она этого совершенно не хотела: родители сойдут с ума, миссис Б. рассвирепеет. Ада представила, как хозяйка ехидно поизмывается над ней, прежде чем с треском выставить за дверь. Миссис Б. однажды проделала этот номер с другой девушкой, вовремя не вернувшейся из отпуска. По-твоему, я благотворительностью занимаюсь? Верно, они попали в передрагу, из которой надо выбираться, но сейчас они связаны по рукам и ногам. И ей не на кого положиться, только на Станисласа. Официант оставил хлеб на столике, и Ада окунала кусочки в кофе, а потом с удовольствием высасывала сладкую жидкость.

– Кто-нибудь сумеет нам помочь, правда? – спросила она.

– Как?

– Не знаю, – немного растерялась Ада. – Просто отправить нас домой. – Французы не станут им помогать, это ясно, у них своих забот полон рот.

Станислас скрипнул стулом, поставил локти на стол и наклонился к Аде. С наморщенным лбом он выглядел совсем мрачным.

– Дело в том, Ада, – начал он, – что я не могу вернуться. Меня арестуют.

Ада медленно, с трудом вдохнула. Говорила же ей миссис Б., всякое разное говорила. Миссис Б. предупреждала ее и об этом тоже, поправила себя Ада. Нельзя терять контроль над собой, особенно сейчас: а вдруг Станислас объявит, что им придется расстаться? Я ошибся в тебе.

– Но за что? – спросила Ада. – Ты ведь не немец. А знать немецкий – не преступление.

– Австрия, Венгрия, мы теперь все враги.

Ада сложила руки на коленях, повертела дешевое колечко на пальце, вправо, влево, вправо, влево. Положение у нее не позавидуешь. Она должна возвращаться домой одна. Но удастся ли ей, сумеет ли она отыскать нужный поезд? По радио сделают объявление, а она ничего не поймет. Дома на Южной ветке такое постоянно бывает: «Поезд до Бродстера в 9.05 отправляется с другой платформы... Приносим наши извинения». Она застрянет. Посреди чужой страны, одна-одинешенька, не зная французского. И даже если доедет до Кале, как попадет на паром? А вдруг паромы уже не ходят? Что она тогда будет делать?

– Что ты будешь делать? – тонким, срывающимся голосом спросила она.

– Обо мне не беспокойся. Я справлюсь.

День клонился к вечеру. Подошел официант, указал на их чашки:

– Fini?[5 - Закончили? (фр.)]

Ада не поняла, но помотала головой, лишь бы только официант оставил их в покое.

– Encore?[6 - Повторить? (фр.)]

Она опять не поняла, однако на этот раз кивнула.

– Я не могу покинуть тебя, – сказала она. – Останусь с тобой. У нас все будет хорошо. – На миг ей привиделось, как они гуляют по Тюильри рука в руке.

Станислас колебался.

– Беда в том, золотко... – заговорил он медленно, запинаясь, и даже акцент куда-то пропал, к удивлению Ады, привыкшей к огрехам в его произношении, – беда в том, что у меня нет денег. В данный момент нет. Из-за войны я не смогу телеграфировать, чтобы мне их послали.

Ада не в состоянии была вообразить Станисласа без денег. У него всегда находился фунт-другой, да что там, он сорил деньгами. Их бедность – это не надолго, верно? И в любом случае бедность в Париже со Станисласом не то что бедность в Ламбете. Она вдруг испытала прилив нежности, любви к этому человеку, вскружившему ей голову, и ей стало тепло, уютно, и в будущее она уже смотрела с оптимизмом.

– С деньгами мы разберемся, – заявила она. – Я пойду работать. Я позабочусь о нас.

Опять появился официант с двумя чашками кофе, поставил их на стол и сунул счет под пепельницу.

– L'addition, – сказал он и добавил: – La guerre a commence[7 - Ваш счет... Война началась (фр.).].

Станислас вскинул голову.

– Что он говорит? – спросила Ада.

– Что-то насчет войны. «Герр» по-французски «война».

Официант встал по стойке смирно:

– La France et le Royaume-Uni déclarent la guerre ? l'Allemagne[8 - Франция и Объединенное королевство Британии объявили войну Германии (фр.).].

– Началось, – сказал Станислас.

– Ты уверен?

– Конечно, уверен, черт возьми. Может, я и ни бум-бум во французском, но это я понял.

Он резко поднялся, толкнув столик и пролив кофе, сделал шаг в сторону, словно намереваясь уйти, но вернулся и снова сел:

– Ты останешься со мной? Здесь, в Париже? Устроимся на работу, ты и я. Скоро мы опять разбогатеет.

Минуту назад Ада не сомневалась, что все так и будет, но внезапно ее охватила паника, страх сдавил желудок. Война. Война. Ей отчаянно захотелось домой. Очутиться в кухне вместе с родителями, братьями и сестрами, вдыхать терпкий запах белья, сохнувшего над плитой, слушать, как булькает картошка в кастрюле, а мать перебирает четки и смеется, когда отец ее поддразнивает: «Славься, Маркс, великий и могучий, да пребудет революция с тобой, да благословен ты будешь среди рабочего класса...»

Но домой пути нет; по крайней мере, в одиночку она этот путь не найдет. Ада кивнула.

– Ты не против, – продолжил Станислас, – если я назовусь Воан?

– Зачем?

– Моя фамилия слишком иностранная. Французы тоже могут меня изолировать.

– Пожалуйста, называйся.

– От своего паспорта я избавлюсь, – Станислас говорил быстро, почти без пауз, – скажу, что потерял его. Или украли. И тогда я смогу стать кем угодно. – Он засмеялся, и в вечернем солнце блеснул золотой зуб. Пошарив в карманах, он расплатился с официантом мелкой монетой и взял их багаж: – Идем.

– Куда?

– Нам нужно где-то жить.

– Гостиница, – оживилась Ада. – Мы вернемся в гостиницу.

Станислас обнял ее, потерся подбородком о ее макушку:

– Там все занято. Я их спрашивал утром. Найдем что-нибудь. Прелестный маленький пансион, например.

В комнате кровать с ржавой железной рамой и продавленным матрасом с бурыми пятнами мочи, напротив крошечный облезлый стол, стул с дыркой в сиденье, крючки на стене. Обои ободраны, но не до конца – по углам и над плинтусами они держались крепко, а под ними шуршали либо дрыхли клопы.

– Я не могу тут жить. – Ада с чемоданом шагнула к двери. Станислас никогда не был беден и не понимал, как низко они пали.

– И куда ты пойдешь? – поинтересовался он. – Без денег. В гостиницах все занято. Армия реквизировала их. – Он сел на кровать, подняв облачко пыли. – Иди ко мне, – с обезоруживающей нежностью позвал он. – Это только пока мы снова не встанем на ноги. Обещаю.

Они найдут работу, их положение улучшится. Ада уже через такое проходила и пройдет еще раз.

– Чем ты займешься? – спросила она. – Какую работу будешь искать?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Я не привык работать.

– Не привык работать?

– Не было необходимости.

Она и забыла, ведь он граф. Ну да, графы же не работают. Как лорды и леди. Паразиты проклятые, так отзывался о них ее отец. Жиреют за счет бедняков. Ада вдруг увидела Станисласа в ином свете: чужак совсем из другого мира. Она подметила и кое-что еще: он был растерян, не знал, куда податься. Наивный и неопытный, она же – уличная девчонка, знающая все ходы и выходы. Аде стало его жалко. И словно наяву, услышала возмущенный голос отца: Жалко? Думаешь, тебя они пожалеют? Как бы не так. Жалел русский царь своих крестьян? И получил по заслугам, черт его дери.

Ада встала. На ней все еще было платье в косую полоску. Платье слегка помялось, но Ада разгладила его ладонями и выудила из сумочки губную помаду. Подкрасила губы, слизнула лишнее.

– Я скоро вернусь. – Пора ей брать ответственность на себя. Она знала, куда идти.

В первом же заведении ее взяли на работу. Ада не могла поверить своему счастью. Но, сдается, такой уж она уродилась – везучей. Платили немного, но без дела она не простаивала. Предприятие мсье Лафитта процветало. Торговля оптовая, розничная и пошив одежды. Мсье Лафитт был благожелательным человеком средних лет, он напоминал ей Исидора. Говорил он быстро, но ради Ады замедлял речь и тратил время, помогая ей выучить французский. Ада заняла место подмастерья, который ушел добровольцем в армию; в одиночку мсье Лафитт не справился бы. Ада жаждала создавать новые модели и порою предлагала изменить форму воротника или разрез кармана, но каждый раз встречала отпор. Мсье Лафитт, насупившись, грозил ей пальцем: non. Нет.

Спустя неделю они со Станисласом переехали из вонючей комнатенки в небольшую мансарду на бульваре Барбе, в лучшей его части и ближе к месту работы Ады. Благодаря мсье Лафитту и консьержке, мадам Бретон, Ада пусть коряво, но заговорила по-французски, ей даже удавалось объясниться с клиентами.

Не верилось, что идет война. В городе было тихо, и оттого война казалась выдумкой, хотя на улицах, в барах и кафе солдат только прибывало. Здания по углам обкладывали мешками с песком, а в парках и на площадях строили бомбоубежища. Мужчины и женщины ходили с противогазами, перекинутыми через плечо.

– Даже проститутки, – отметил Станислас. – Интересно, как они занимаются своим ремеслом с этими штуковинами на головах?

Им противогазы не выдали, но Станислас раздобыл парочку, а когда принес их в мансарду, постучал пальцем по ноздре, мол, не спрашивай, где достал.

– Дельце образовалось, – только и сказал он.

Ада любила его, любила его таинственность, и обаяние, и странный акцент, что иногда сгущался, а иногда рассеивался в зависимости от того, насколько спокоен или взволнован был Станислас.

Время от времени завывала сирена, но ничего не происходило, а по ночам окрестности накрывала беспросветная тьма. Ткани становились дефицитом, по крайней мере хорошие ткани, и Ада теперь кроила одежду более облегачую и меньшей длины и на швы оставляла впритык.

– Чем ты занимаешься целый день, пока я на работе?

Они сидели в «Бар дю спорт». За два месяца в Париже они сделались завсегдатаями этого бара и, прежде чем съесть ужин, обязательно выпивали по бокалу красного вина. До коктейлей в «Смитсе» этой выпивке было далеко, и тем не менее, отправляясь ужинать, Ада старалась принарядиться. Мсье Лафитт позволял ей забирать остатки и обрезки, и, спасибо новой моде на простые

фасоны и укороченные подола, Ада соорудила вполне презентабельное теплое платье на выход, не считая нескольких повседневных юбок и блузок. А когда мсье Лафитт отдал ей старую одежду, принадлежавшую, по его словам, его дяде, ныне покойному, Ада перешла ее для Станисласа. Мадам Лафитт одарила ее слегка поношенным зимним пальто, и Ада приспособила его для себя. Станисласу не помешал бы новый пиджак, и мсье Лафитт намекнул, что, возможно, ему перепадут излишки армейской ткани. В общем, они сводили концы с концами, да и у Станисласа опять завелись деньги.

Отношения между ними были почти как раньше, в прежние беззаботные деньки, но с некоторой разницей. Теперь они были мужем и женой. Незаконными, но все же супругами.

– Я буду ласков, – сказал он в первый раз, – и надену резинку.

– Что?

– Галошу. Или как там эти штуки у вас называются?

Ада не знала. До нее долетали обрывки разговоров девушек в мастерской миссис Б., но никто и никогда не садился напротив и не объяснял, что случается в первую брачную ночь. Ее мать твердила о таинстве брака, и Ада решила, что это таинство настолько святое, что у незамужних дети появляются совсем по другим причинам, чем у супружеских пар. Станислас покатился со смеху, когда она ему рассказала. Это берем, а то ни-ни. Да, корила себя Ада, заниматься этим, не будучи женатыми, дурно, но все казалось таким естественным: объятия до того тесные, что ее тело пропитывалось его мужским запахом, а ее плоть трепетала и таяла от исходившего от него тепла. Она была уверена, что он сделает ей предложение, как только закончится война, то есть всего через несколько месяцев она снова сможет называть себя порядочной женщиной.

– Ты правда не хочешь вернуться домой? – спросил Станислас.

Ада покачала головой. Она с ним, и в Париже, и не желает оказаться ни в каком другом месте. Вдобавок она так и не получила вестей от своих, хотя Станислас говорил, что отправил им еще одну телеграмму. Все хорошо. Работаю в Париже. Телеграммы стоят денег, это понятно, но все равно они могли бы написать ей – хоть что-нибудь.

После ужина заняться им было особо нечем. Вечерами город погружался во тьму, улицы пустели, кафе и бары прятались за закрытыми дверями и затемнением на окнах. Они играли в карты, в «пьяницу» или «двадцать одно». Ада пыталась читать по-французски, но это давалось ей тяжело. В газетах, насколько она понимала, по большей части писали о Германии и России, рассуждали о намерениях американцев и жаловались на поведение британских войск во Франции. Тем для разговора тоже не находилось. Станислас твердил, что Ада ничего не смыслит в бизнесе, и она прекратила его расспрашивать. Ее работа любопытства у него не вызывала. Что может быть интересного в подшивании подолов и экономном крое? В такие моменты Ада скучала по дому, по братьям и сестрам. Маме и папе. Она даже скучала по девочкам в мастерской миссис Б. С ними хотя бы бывало весело.

С декабря Станислас начал уходить по делам на всю ночь. Два-три раза в неделю. Долгие одинокие вечера – ни дела, ни мало-мальских развлечений. Старая чугунная батарея в комнате потрескивала и постукивала. Ада так и не привыкла к этому шуму, ей все казалось, что в дом кто-то вломился и топчется в темном углу, примериваясь, как бы половчее ударить. Со Станисласом рядом она не боялась, но по вечерам, когда его не было, она ложилась спать рано, стараясь согреться и оставляя зажженной маленькую свечку на тумбочке – убирайся, не подходи ко мне, – пока наконец не засыпала. Батарея грела слабо, а в десять отопление и вовсе выключали, и к рассвету в комнате стоял лютый холод. Порою вода в миске, которую они держали на столе, покрывалась тонким слоем льда.

Ада надеялась, что со временем они смогут позволить себе жилье получше, пусть с маленькой, но кухней; она бы готовила домашнюю еду для разнообразия – нельзя же каждый вечер ужинать в «Бар дю спорт». Ей надо научиться стряпать. Ада умела готовить тушеную баранину, но вряд ли ей удастся купить перловку, столь необходимую для этого блюда. Она могла бы освоить французскую кухню. Омлет, например, или суфле. Ада представила, как взбивает яйца; у поварихи в «Бар дю спорт» это получалось очень изящно.

На ее кухне непременно будет сушильный шкаф для белья, сейчас Ада развешивала постиранное на спинках кровати. А может, даже и небольшая гостиная: стол под красной плюшевой скатертью и зеркало у стены. Гостиную Ада украсит свежими цветами, если найдет их, букетиком в банке из-под варенья. Платили ей немного, однако их совместного заработка хватило бы,

чтобы жить без затей, но достойно.

Но кое-что в их жизни изменилось.

– Видишь ли, Ада, – все чаще говорил Станислас, – я должен быть в настроении.

Поначалу она говорила себе, что должна считаться с его настроением, но потом забеспокоилась: когда супруги не прикасаются друг к другу, наверное, это неправильно. Однажды вечером она погладила его по щеке, пробежала пальцами по носу, пощекотала усы, легонько отбила ритм на его губах. Станислас отстранил ее руку:

– Нет, Ада. Не сейчас.

Она слушала, как он дышит, тяжело и вроде бы сердито, воздух толчками выходил у него изо рта.

– Ты любишь меня? – спросила она.

– Прекрати, Ада.

Он отбросил одеяло, встал. Ада слышала, как он натягивает брюки в кромешной тьме, путаясь в пуговицах и ругаясь, хватая рубашку со спинки стула, надевает ботинки и выходит, хлопнув дверью. Ада застыла. Зря она задала этот вопрос, зря приставала к нему. Мать говорила, мужчины таких не уважают. Мужчина предпочитает добиваться женщины. Она извинится, когда Станислас вернется. И они помирятся.

Станислас, которого она встретила в Лондоне, обворожил ее неназойливыми ухаживаниями, лестными комплиментами. Теперь он был другой. Война изменила его, война и его бизнес. Ночь за ночью он исчезал – по делам. Ей надо что-то предпринять, стать более соблазнительной. Купить новую помаду, если денег наскребет. Ада слишком молодо выглядит, щеки до сих пор не утратили девичьей округлости. Надо постараться выглядеть взрослее. Возможно, этого хочет Станислас – женщину постарше, поопытнее. Волосы у нее отросли. Она заплетет их и обернет косу вокруг головы – сейчас это модно среди самых изысканных парижанок. И он снова ее полюбит. Кто сказал, что в семейной

жизни все и всегда гладко.

На Рождество она подарила ему носовые платки и трубку. Завернула подарки в газету и обвязала лентой, выпрошенной у мадам Лафитт.

– Спасибо, Ада. – Станислас взял пакет и положил на пол рядом с кроватью. Ей он преподнес рождественский чулок; точнее, простой серый носок, набитый фундуком, и флакончик духов.

L’Aimant, – прочла она. Влюбленный. Ну конечно! Он просто не мог произнести это вслух. С мужчинами такое случается. На флакончике стояло клеймо «Коти». Ада надушилась за ушами. На ее вкус, запах был сладковат, но ее радовало, что Станислас подумал о ней, потратил время и силы, набивая чулок, пусть всего лишь фундуком. Дома рождественскими чулками для всей семьи заведовал отец – кочешки брюссельской капусты чаще всего и пара картофелин. Ха-ха, ловко я вас надул, смеялся довольный отец. Но без апельсина в самой глубине чулка или маленького волчка никогда не обходилось, а мама к этому дню всегда шила им обновы.

Ада еще ни разу не проводила Рождество вне дома. Дорого бы она дала, чтобы оказаться сейчас на Сид-стрит. Пойти к мессе, пока отец готовит завтрак – яичницу с беконом и поджаренный хлеб. Потом он с мальчиками отправлялся в «Герб короля» выпить кружку портера, а мать с Адой готовили праздничный обед.

Ланч в «Бар дю спорт» ни по настроению, ни угощением не походил на рождественский обед дома. Они выложили кучу денег за бутылку вина. Настоящего французского. Вино было густым, тяжелым, темного, почти рубинового цвета и напоминало Аде сироп, разведенный водой. Ада к этому напитку почти не притрагивалась, но Станислас опрокидывал бокал за бокалом, словно воду пил, а прикончив бутылку, заказал бренди.

Он похлопал себя по животу, подмигнул ей:

– Главное в жизни – хорошо поесть, верно, Ада? Как насчет сыграть в «пьяницу»?

– Я не против. – Ада поднялась из-за стола.

В этот час мама обычно подает рождественский пудинг. Если отцу выплатили премию, значит, он купил капельку бренди в аптеке и полил им основное рождественское блюдо. Выключите свет! Отец поджигает спичкой бренди и несет к столу пудинг, полыхающий голубым пламенем.

– Ты хорошо пахнешь, – сказал Станислас. Открыв дверь в их комнату, он притянул ее к себе. От него несло алкоголем.

– Ты пьян, Станислас?

– Просто весел, Ада. Мужчина имеет право повеселиться на Рождество, разве нет?

Он обхватил ее руками, крепко сжал. Наверное, ей давно следовало пользоваться духами.

Разжав объятия, он упал на кровать и похлопал по матрасу, приглашая Аду присоединиться. Она сняла платье, чулки и легла рядом. Глаза у него были закрыты, он крепко спал, причмокивая бархатистыми губами и закинув одну руку за голову. Ада смотрела на него не отрываясь, пока не сгустились сумерки. Надо был встать, задернуть занавески, включить свет. Но в комнате было так тихо, так покойно в сумеречном свете, а Станислас все еще спал. Тыльной стороной ладони она провела по его щеке, лаская мягкую кожу, жесткие короткие волосы на висках. Он поймал ее запястье, крепко стиснул, и она вскрикнула от боли.

– Отстань, Ада. Сколько можно повторять? – Он взглянул на нее как на чужого человека, затем толчком уложил ее на спину: – Ладно, если тебе нейдет...

Потянулся за резинкой, надел ее непослушными пальцами, ткнулся в Аду и отвалился, не издав ни звука. Потом перевернулся на другой бок и уснул.

Ада зарылась головой в подушку. Это не любовь, совсем, совсем не то, что было между ними раньше.

Зима уступила весне, и та обсыпала зелеными крапинками парки и деревья на бульварах. Несмотря на жуткий холод, зима, казалось, хранила людей от беды, спрятав под большим толстым одеялом затемнения. Теперь вечера стали длиннее, дни ярче, и Аде чудилось, будто невидимые поисковые огни высвечивают все вокруг, а когда над ней пролетал самолет, она вздрагивала. Самолетов летало все больше, и колонны солдат все чаще маршировали по улицам и бульварам, печатая шаг. Почти каждый день Ада покупала газету, а мсье Лафитт принес в мастерскую радиоприемник. Мадам Лафитт рассказывала, что, навещая сестру, видела британские танки неподалеку от бельгийской границы, неуклюжие чудовища, вспахивающие асфальт. По словам ее сестры, британцы переправили через границу тысячи людей; значит, жди лиха. Ада не могла вообразить такое количество солдат. Множество молодых мужчин в военной форме. Откуда они взялись? Кто их нарожал?

Станислас лишь пожал плечами:

– Чему быть, того не миновать. Мы с этим ничего поделать не можем. – Он вдруг стал прежним – беззаботным, улыбчивым.

Но Аде было не по себе. Война маршировала в подбитых гвоздями сапогах, левой, правой, левой, правой. Улицы в окрестностях бульвара Барбе заполнили беженцы: потрепанная одежда, изможденные лица, пожитки в детских колясках. Станислас словно не замечал их. Ничто его не беспокоило. А все потому, что он с континента. Континентальным все нипочем. И внешность у него не как у островного британца, иностранная наружность: уши, прижатые к черепу, светлые короткие волосы, полоска усов над верхней губой – почти как у Гитлера, думала Ада, хотя в то время многие так подстригали усы, следуя моде. Невероятно светлые глаза за стеклами очков. Он всегда носил очки. Ада не представляла его без них. Каким же крушением должна видаться ему их нынешняя жизнь, близкая к прозябанию.

– Для вас, мадам. – Станислас вынул руку из-за спины и подал ей круглую коробку. Ада развязала ленту: шляпка из лимонной соломки, без полей, с черной в крапинку вуалью. – Ваш пасхальный головной убор.

Шляпка не сочеталась с ее зимней одеждой, и на улице было не настолько тепло, чтобы надеть летнее платье, но Станислас, вероятно, из кожи лез в поисках подарка, ведь всем известно, что такого рода плетеные изделия нынче редкость.

Ада надела шляпку, опустила вуаль. Вещь не для девочки, но для женщины, взрослой женщины.

– Спасибо, – поблагодарила она.

– Не согласишься ли ты, как выражаются французы, *faire une promenade*?[9 - Прогуляться (фр.).]

Ада засмеялась. Станислас редко говорил по-французски, по крайней мере с ней. Обычно по-английски, и он до сих пор путал «в» и «ф» и не мог произнести носовое «н», сколько Ада ни пыталась его научить. Настроение у него часто менялось. И он завел привычку делить кровать на две половины, свою и ее, баррикадой, сооруженной из чего попало.

Через две недели после Пасхи Германия вторглась в Норвегию, нейтральную Норвегию. В газетах писали о силах сопротивления и упорных боях, о британских войсках, посланных на помощь. По радио все кому не лень обсуждали линию Мажино и решали, что делать, если Германия нападет на Францию. Беженцев надо подвергать тщательной проверке. Симпатизирующих врагу расстреливать. Долг Франции собрать волю в кулак и ударить по захватчикам.

Соседи втянули головы в плечи, мсье и мадам Лафитт заметно приуныли. Особый запах витал в парижском воздухе. Его источали кожа женщин и рты кричащих младенцев, взрослые мужчины и лохматые псы, задиравшие ногу у фонарных столбов. Ада постоянно чувствовала этот запах – в ноздрях, на своей одежде, на Станисласе, когда он лежал ночью на своей половине кровати. Та к пахнет, припомнила Ада, гнилая луковица, так пахнет страх.

Ходили слухи о введении продуктовых карточек. До чего же Станислас упрям, огорчалась Ада. Ах, если бы она сумела уговорить его уехать! Им лучше вернуться домой, пробиться обратно в Англию. Мсье Лафитт начал поговаривать о том, чтобы уйти на покой, тем более теперь, когда заказы почти иссякли, а пошив армейской формы – целая наука, для которой он слишком стар. Это грозило Аде потерей работы. И что тогда?

– Вам нельзя здесь оставаться, – сказал ей мсье Лафитт. – Такой молодой девушке. Слишком опасно. Поезжайте домой. Пока это возможно.

По ночам Ада думала о родном доме рядом с рекой, доками и портом, о младших братьях и сестрах, обретающихся бог весть в какой глуши, о матери, исхудавшей от переживаний, и о Станисласе, пропадавшем неведомо где до раннего утра; в одиночестве и тьме Аде не на что было отвлечься, и она вгрызалась в свою тоску и тревогу, словно лиса в лапу, защелкнутую капканом.

Однажды поздним майским вечером Станислас вернулся с опухшим носом и кровоточащей губой, очки в помятой оправе криво сидели на носу.

– Собирайся, – сказал он. – Мы уезжаем.

– Что случилось?

Он сполоснул лицо водой из-под крана. На кухонный стол упали бледно-розовые капли. Станислас утер полотенцем лицо, промокнул кровь на губе.

– Что случилось? – повторила Ада. – Кто тебя ударил?

– Неважно, – ответил он. – Просто собирай вещи. Немедленно.

Она потянулась с салфеткой к ссадинам на его лице, но он перехватил ее руку и отвел назад.

– Собирайся! – заорал он. – И побыстрее.

Ада знала, что он повышает голос, только когда сильно обеспокоен. Может, его приняли за немца?

– Ты меня слышишь? Мы должны уехать.

Он стащил ее чемодан с гардероба и бросил на кровать. Ада достала из шкафа платье, начала складывать.

– На это у нас нет времени. – Станислас вырвал платье у нее из рук, сгреб всю ее одежду вместе со шляпкой и запихнул в чемодан, сдернул ее белье со спинки кровати, где оно сушилось, швырнул сверху и с силой захлопнул крышку. – Идем.

Сам он не взял с собой ничего. Ада бежала за ним по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, и все равно отставала. Запыхавшись, она уцепилась за перила из опасения споткнуться и упасть:

– Но куда?..

– Заткнись, – оборвал ее Станислас.

Консьержка уже ушла домой; в помещении, где она обычно сидела, было темно и пусто, на окне затемнение. На улицу они вышли через двор напрямик к черной машине, припаркованной у тротуара; этой машины Ада никогда раньше не видела. Станислас открыл багажник, сунул внутрь ее чемодан и распахнул дверцу:

– Садись.

Ада забралась на холодное кожаное сиденье, по голым ногам побежали мурашки. Станислас дергал за рукоятку стартера, пока машина, захрипев, не ожила, потом сел за руль рядом с Адой и рванул с места в темную ночь по узким треугольникам тусклого света, что отбрасывали затененные фонари. У Ады стиснуло желудок, и она ощутила во рту металлический привкус – привкус страха.

– Куда мы едем?

– В Бельгию.

– В Бельгию?

– Бельгия нейтральна.

Значит, она верно догадалась: его приняли за немца. Ей хотелось посочувствовать ему. В темноте она не видела его лица, но была уверена, что

губы Станисласа крепко сжаты и он не желает обсуждать с ней случившееся.
Он – сильный человек.

– Где ты взял машину?

– Одолжил.

И вдруг она вспомнила:

– Образцы! Мои образцы, я забыла их. Давай вернемся.

– Даже не мечтай.

– Ну пожалуйста, Станислас.

Он рассмеялся, злое насмешливое «ха-ха». Таким она его еще не видела.

Других машин на дороге не было, и они мчались по Парижу на всех парах, темные улицы и пригороды мелькали за окном. Наверное, они смогут вернуться сюда, но попозже, когда нынешний кошмар развеется без следа. Мадам Бретон сбережет образцы для Ады. Ведь консьержки всегда так поступают.

– Ты знаешь, как ехать? – спросила Ада.

– Кто я, по-твоему?

– И сколько времени это займет?

– Часов пять или шесть примерно.

Шесть часов – это долго. Станислас не сбавлял скорости.

– Они нас не догонят?

– Ты о ком?

– О тех, что взъелись на тебя.

Он промолчал, у Ады тоже отпала охота разговаривать. Она закрыла глаза, словно обессилев. Желудок у нее горел, в голове роилось множество вопросов, но урчание мотора и мерная тряска укачивали. Что-то произошло, что-то серьезное. А вдруг эти люди их догонят? Тогда и ей перепадет.

Должно быть, она заснула, потому что, когда Ада снова открыла глаза, мягкий серый свет пробивался сквозь ветви высоких деревьев и прозрачными пятнами ложился на дорогу.

– Рад, что тебе удалось поспать, – съязвил Станислас.

Ада потянулась, сжала и разжала ладони. Дорога стрелой уходила за горизонт, по обе стороны сельские угодья.

– Где мы?

– В Пикардии. Вроде бы.

Отец Ады часто пел «Розы цветут в Пикардии...», одну из своих самых любимых песен. Эту и еще «Типпирери». Услышать бы сейчас отцовское пение, с тоской, острой, как лезвие ножа, подумала Ада. В голове зазвучал его голос, тихий, нежный, и она начала подпевать ему, и до чего же печален был их дуэт: «...под серебристой росой. Розы прекрасны в Пикардии, но им не сравниться с тобой».

Станислас развернулся к ней лицом:

– Откуда это?

– Песня военных лет, – ответила Ада. – Солдаты пели ее в окопах. Наверняка у вас, немцев, были похожие песни.

Он сжал руль так, что костяшки побелели, мускулы на лице напряглись:

– Я не немец.

– Знаю. – Ада была сердита, измучена. Конечно, она сморозила глупость. Но и ему не следовало бы так грубо с ней разговаривать. Она ему не враг. – Думаешь, здесь опять будут воевать?

– Заткнись.

Ада вжалась в спинку сиденья и уставилась в окно, слезы щипали ей глаза. Она понятия не имела, где они находятся, по пути им не встретилось ни одного указателя. Они проехали мимо военного отряда – форма цвета хаки, каски и ружья наперевес.

– Британцы! – воскликнула Ада. – Остановись, я хочу с ними поговорить. – Она спросит, куда они направляются и зачем. Может, они возьмут ее под свое крыло. Доставят домой. – Пожалуйста, остановись, – взмолилась она.

– Не будь душой! – рявкнул Станислас и добавил: – Навязалась на мою голову, так терпи, мать твою.

Прежде он никогда при ней не ругался. Повернув голову назад, Ада смотрела, как солдаты исчезают из виду.

Машина начала замедлять ход.

– Только не это... – простонал Станислас.

Он жал на педаль, переключал рычажки на приборной доске и отчаянно скрипел зубами. Мотор вдруг захлебнулся и затих. Машина встала.

– Нет! – выкрикнул Станислас.

Он вышел из машины, хлопнув дверцей. Ада испуганно наблюдала, как он открывает багажник, а потом закрывает с такой силой, что машина вздрогнула. Затем он подошел к ее дверце, дернул ручку:

– Вылезай.

– Но в чем дело?

– Бензин кончился.

– И что теперь?

– Пойдем пешком.

Ада ступила на подножку и спрыгнула на землю. Глянула назад, но солдат и след простыл. А что, если броситься бежать? Она могла бы их нагнать.

Крепко взяв за руку, Станислас с силой потянул Аду за собой.

– Чемодан, – опомнилась Ада. – Я не могу без него.

– Забудь. С чемоданом мы будем еле тащиться.

– Но моя обувь. Я не могу идти пешком в этих туфлях.

У нее была единственная пара туфель, скромные лодочки на высоком наборном каблуке. Она приехала в них во Францию и с тех пор носила не снимая, одна подошва протерлась до дырки. Вполне удобные туфли, но не для ходьбы.

– Тогда сними их. – Станислас не отпускал ее руку и не сбавлял шага.

– Далеко нам идти?

– Километров десять. А может, пятнадцать.

– Сколько это в милях?

– Семь миль, – ответил он. – Приблизительно. Или десять.

Десять миль. Ада никогда в жизни не одолевала такие расстояния на своих двоих, и вот поди ж ты, она мелко и часто перебирает ногами, почти подпрыгивает, стараясь держаться вровень со Станисласом.

Привал они сделали только однажды, когда Станисласу понадобилось облегчиться. Ада была рада передышке. У нее болели икры, и, усевшись на обочине, она скинула туфли. Старые и поношенные, они по крайней мере не натирали. Который сейчас час, она не могла сообразить, но солнце уже высоко стояло в небе. По пути им встретилось несколько солдатских подразделений. Аду так и подмывало крикнуть им: «Удачи, ребята!» – а потом попросить, чтобы помогли добраться домой, но Станислас велел ей помалкивать, пригрозив, что утихомирит ее раз и навсегда, если она хотя бы пикнет. Кроме них людей на дороге было изрядно: кто шел пешком, кто ехал на велосипеде – мужчины с подружками или женами, сидевшими на раме. Одна пара везла младенца и еще одного маленького ребенка, привязанного к багажнику. Иногда мимо проезжал автомобиль, доверху нагруженный багажом. Состоятельные люди, подумала Ада, таким плевать на перебои с бензином, для них топливо всегда найдется. Любопытно все же, у кого Станислас одолжил машину.

Он был суров с ней, но ведь он в ответе за них обоих. И старается как может. Он – ее защитник. Все будет хорошо, твердила себе Ада. Она везучая. Они оба везучие. Обойдется. И опять же, это бегство немного смахивало на приключение. Ей было жаль забытых тканевых образцов, но и только, да и ничего из того, что лежало в брошенном чемодане, везти в Англию в принципе не стоило. Одежда, которую она упаковала, – Станислас упаковал – износилась и повытерлась. А когда они окажутся дома, Ада мигом станет на ноги и нашьет себе новых нарядов. То есть, конечно, если миссис Б. возьмет ее обратно на работу. А если не возьмет? Не страшно, найдет другую, ведь нашла же она себе место в Париже. Хотя, возможно, они задержатся в Бельгии. Ада мало что знала о Бельгии. Она вытащила носовой платок, высморкалась. Спасибо, ее сумочка до сих пор при ней, и ей хватило ума перед отъездом сунуть в нее губную помаду и расческу. А кошелек и паспорт она всегда хранила в сумке, в боковом кармане.

– Мы почти у цели, – сообщил Станислас. Он повеселел, подал ей руку, помог встать. Дурным настроениям он никогда не предавался подолгу. – Пожалуй, – продолжил он, – объясняться с пограничниками будешь ты. Твой французский лучше моего. Ты не против?

– Что я им должна объяснять?

– Я избавился от своего паспорта, забыла? Скажешь, что он потерялся, или его украли, или мы выронили его впопыхах. Да что угодно. Я должен выехать из

Франции.

– Но в моем паспорте не указано, что я замужем. Это документ незамужней женщины. Будь я на самом деле твоей женой, у нас был бы один паспорт на двоих – твой.

– Сочинишь что-нибудь.

Людей прибывало, и Ада увидела впереди очередь, змеившуюся по направлению к караульной будке и двум офицерам, которые стояли перед ней.

– Это она? – спросила Ада. – Бельгия?

Станислас кивнул, обнял ее за талию, прижал к себе.

Большинство в очереди говорило по-французски, но порою и на каких-то других языках, которых Ада никогда раньше не слышала. Спокойствие и порядок обеспечивали солдаты, что прохаживались туда-сюда. Французские солдаты, смекнула Ада. Двигалась очередь медленно, дюйм за дюймом. Порывшись в кармане, Станислас дал франк мальчику, толкавшему тележку с багетами и стальным бидоном, поблескивавшим на солнце. Ада, мучимая голодом и жаждой, была счастлива поест хлеб и выпить воды; правда, металлическая кружка, прикрепленная цепочкой к бидону, могла быть и почище. Ну да французы всегда пренебрегали такими вещами.

Очередь не столько уменьшалась, сколько увеличивалась. Люди все подходили и подходили. Их здесь, наверное, сотни, прикидывала Ада, тысячи. Будто пол-Европы бежит в поисках спасения. Туфли начали ей жать. Она мечтала присесть, а еще лучше лечь, опустив голову на мягкую пуховую подушку. С такими темпами они простоят здесь весь день и всю ночь. Пограничники не торопясь проверяли документы, задавали вопросы, пристально вглядывались в беженцев. Открывали чемоданы, вытаскивая то хлопковое платье, то широкий пояс под смокинг – реликвии прежней жизни, с которыми люди не желали расстаться. Станислас стоял рядом с ней, озабоченно хмурясь.

Они чуть-чуть продвинулись. Ада скажет, что Станислас – ее брат. Простоватый – и она постучит пальцем себе по лбу. Мол, у него не все дома. Он не обидится? А может, выдать его за глухонемого? Мой брат не умеет говорить.

У него украли паспорт. Не набросится ли он на нее потом, когда все закончится: «За кого ты меня принимаешь?» Или, наоборот, воскликнет: «Молодец, Ада! Я знал, что ты выкрутишься». Мысленно она репетировала фразы, припоминая французские слова и обороты. А вдруг она их забудет? Или офицеры глянут на нее и сразу поймут, что она врет? Это не ваш брат. Пройдемте со мной, мсье, мадемуазель. Надо бы предупредить Станисласа: не говори ни слова. Ада боялась, что синяки и ссадины на его лице вызовут подозрения.

Медленно, невыносимо медленно. По большей части людей пропускали через границу, но кое-кого заворачивали. Большая семья, бабушка с двумя сыновьями и дочерью – а может, невесткой – и внуками. Общим числом примерно человек десять. Дети были в гольфах, спускавшихся гармошкой по тощим ногам, мальчики в серых фланелевых шортах, девочки в нарядных платьях. Они стояли неподвижно, глядя широко открытыми глазами, как один из отцов тычет пальцем то в документы, то в детей. Пограничник покачал головой, знаком подозвал другого офицера с цветастой нашивкой на форме. Ада не слышала, о чем шла речь. Один из мальчиков взял пограничника за руку, пожал ее, улыбнулся, и вся семья перешла на другую сторону, в Бельгию. Ада вздохнула с облегчением. Если целой семье удалось пересечь границу, у них со Станисласом все будет отлично. Она наблюдала за каждым беженцем, не спускала с них глаз, а когда пограничники пропускали людей, улыбалась, радуясь за них. Семьи, одинокие женщины, старики... Наконец они оказались третьими в очереди. Пожилая пара впереди, он в пальто, подпоясанном веревкой, она в черной юбке с неровным подолом, колыхавшимся вокруг искривленных мясистых лодыжек. В войну все выглядят неказисто, ходят в старой одежде, заплатах, заштопанной. Наверное, лучшие вещи берегут для перемирия. Пограничник проштамповал их документы, и Ада смотрела, как они, шаркая ногами, побрели в Бельгию.

Перед ними остался только один молодой человек, на вид ровесник Ады, розовые гладкие щеки без признаков растительности. При ближайшем рассмотрении пограничник казался угрюмым, недовольным. Крепкий орешек. Если Станисласа не пропустят, думала Ада, что тогда? Его арестуют? Отправят в тюрьму? А если он заговорит, они поймут, что она соврала. И ее тоже возьмут в оборот. Может, лучше остаться во Франции? Они могли бы спрятаться. Поменять имена. И все было бы шито-крыто. Зря они сюда притащились. Но еще есть время развернуться и двинуть обратно в Париж.

Мозоли давали о себе знать, и, пытаясь встать так, чтобы опираться только на одну ногу, Ада наступила на маленького игрушечного медвежонка, валявшегося на земле. Шерстяного, мягкого, набитого ватой, с ровными гладкими швами по бокам. Сдается, кто-то вязал свитер мужу, а из оставшихся ниток сплел игрушку для ребенка. Ада огляделась. Ни одного малыша поблизости. Она оставит медвежонка себе, он будет ее талисманом. Ада сунула находку в сумку.

Пограничник изучал документы молодого человека, вертел их так и сяк, разглядывал на свет. Затем отдал парню и указал налево, где на расстоянии нескольких метров располагалась небольшая контора.

– Mais[10 - Но... (фр.).]... – начал парень. Опустив голову, он едва не плакал. Но пограничник, не слушая его, уже подзывал Аду и Станисласа. Парень перекинул рюкзак через плечо и побрел к конторе.

Они подошли к офицеру. Ада лихорадочно припоминала заготовленные фразы. Мой брат, у него украли...

– Nationalite?[11 - Национальность? (фр.)]

Она не знала, стоит ли показывать паспорт. Она полезла за ним в сумку, за этой темно-синей книжечкой. Но вместо паспорта стиснула в ладони мягкого медвежонка. Принеси мне удачу.

– Nous sommes anglais[12 - Мы англичане (фр.).].

Офицер, задрав подбородок, всматривался в их лица. Ада не осмелилась даже краем глаза взглянуть на Станисласа. Ее прошиб пот. Она ощущала влагу в подмышках, под коленками и на ладонях.

Не проронив более ни слова, пограничник небрежным взмахом руки отправил их на ту сторону и подозвал следующих в очереди, большую семью с пятью детьми.

Перейти границу вот так запросто? От напряжения Аду едва не тошнило, но теперь она испытывала нечто вроде разочарования. Ей даже не дали возможности произнести заготовленные фразы. А Станислас так и не узнал, до

чего же она смышленная.

– Пронесло, – сказал он.

Они были в Бельгии.

Облегчение скоро сменилось страшной усталостью. Болели ноги, ныла спина, на пятке у Ады кровоточила мозоль. Поскорей бы все это закончилось, думала Ада. Ей хотелось лишь одного: приехать домой, открыть дверь – здравствуй, мама, вот и я. Казалось, не хватит сил сделать еще хотя бы шаг, и она представления не имела, где они находятся.

– Море отсюда далеко? – спросила она.

– Море? – засмеялся Станислас. – Очень далеко.

– Куда мы отправимся?

– В Намюр.

– Зачем?

– Намюр, ты что, не слышишь? Нам мир, – хитро подмигнул он. – Вот зачем.

– Как туда ехать?

Семья, что стояла в очереди за ними, суетливо пробиралась куда-то вперед, царапая Адины ноги чемоданными застежками, прижимая ее к Станисласу. Она положила голову ему на плечо:

– Хочу домой. В Англию. Разве нельзя отправиться туда прямо сейчас?

– Наверное, можно, – ровным тоном ответил Станислас. – Наверное. Но сначала Намюр.

– Почему? Я хочу домой. – И чуть не добавила «сию минуту», топнув ногой, как маленькая девочка.

– Нет, – сказал он. – Намюр.

– И что в Намюре?

– Одно дельце, Ада. Важное.

Что за дельце у него может быть в этом бельгийском городе, недоумевала Ада. Неизвестность и страх доканывали ее.

– Обещай, – она посмотрела Станисласу прямо в глаза, – что потом мы поедem домой.

Он поднес ее руку к губам, поцеловал костяшки пальцев:

– Обещаю.

На попутках они добрались до Монса и сели в битком набитый поезд, что останавливался на каждой станции и каждом семафоре. В Намюр прибыли уже к вечеру. С тех пор как почти сутки назад они покинули Париж, у Ады и крошки во рту не было, не считая багета в очереди на границе; она еле держалась на ногах. От вокзала Станислас повел ее по каким-то переулкам. Опираясь на его руку, Ада не спрашивала, куда они идут и знает ли Станислас адрес того места, куда ему нужно попасть, но в конце концов они остановились у маленького кафе, над которым висела вывеска «Пансион».

– Подожди здесь, – сказал Станислас, – пока я обо всем договорюсь.

Она села за столик перед кафе. Эта сторона улицы была в тени, но Ада слишком устала, чтобы перейти на другую сторону, освещенную последними косыми лучами майского солнца. Появился Станислас:

– Я все устроил. Хозяйка накормит нас тем, что у нее осталось, а пока мы едим, ее дочь приготовит комнату.

Не успел он договорить, как к ним подошла хозяйка с двумя бокалами пива. Станислас поднял свой бокал:

– За тебя, Ада Воан. Намюр.

Она нащупала медвежонка в сумке, чокнулась со Станисласом и улыбнулась. Им повезло.

Паштет, хлеб, колбаса. Пиво было мутным и сладким, но Ада выпила два больших бокала. Хмель ударил в голову, чему она нисколько не огорчилась. Напротив. Последний раз она была навеселе еще до войны – сто лет назад, как теперь казалось. «Кафе Рояль», мартини, один, другой, с вишенкой на палочке. Взволнованные влюбленные, они шли чуть враскачку по Пикадилли к остановке 12-го автобуса, где Станислас целовал ее под фонарным столбом, нежно касаясь губами ее рта. По дороге домой она сосала мятные леденцы, чтобы отбить запах алкоголя. И сейчас все было как тогда. Мрачность Станисласа как рукой сняло, ему – им – больше нечего опасаться. Намюр. Нам мир. Он больше не станет орать на нее или сердито молчать. У него снова легко на сердце, но как же резко он переходит от света к тьме. Это беспокоило Аду. Его настроения увлекали ее за собой. Когда он сиял, и она сияла, ей все удавалось, и счастье переполняло ее. Но когда он темнел лицом, ей чудилось, будто ее окутывает холодный туман.

Поев, они поднялись вверх, в отведенную им комнату. Аду пошатывало, она чувствовала, что от нее противно пахнет кислятиной, а волосы слиплись от пота и пыли. Заботливая хозяйка оставила на столе большой кувшин с водой, таз, полотенце и тряпочку для мытья.

– Я должна... – язык у Ады заплетался, – помыться.

Станислас кивнул и встал у окна спиной к ней. Ада намочила тряпицу, принялась обтираться. Ей послышался голос матери, и она увидела себя девочкой, стоящей у раковины на кухне. Тянись, тянись, выше, выше, тянись, тянись, ниже, ниже. Ада хихикнула и вдруг заплакала, от тоски по дому и страха у нее все сжалось внутри, в глазах потемнело, она словно падала в пропасть и не за что было

зацепиться.

Это был не обморок, сознания она не теряла. Станислас подхватил ее и, уложив на кровать, торопливо расстегивал пуговицы на ширинке. У Ады кружилась голова, веки отяжелели. Ей хотелось только одного – спать. Она не увидела, но ощутила, как он раздвигает ей ноги, входит в нее нетерпеливо, с размаху, и она вскрикнула от пронзившей ее боли. Он скатился с нее и лег рядом. По ногам у нее текло. И даже пивной дурман не помешал ей заметить: он не снял рубашки.

Проснувшись она в кромешной тьме. Затем раздался шум. Отдаленный грохот взрыва, уханье тяжелых орудий. Они не задернули шторы, и за окном в ночном небе вспыхивали белые и красно-оранжевые полосы.

– Станислас. – Его надо разбудить, Ада протянула руку.

Кровать была пуста, простыни холодные и несмятые. Ада села, окончательно проснувшись, паника сгребла ее в кулак, она задышалась.

– Станислас.

Имя эхом прокатилось по пустой комнате. Случилось что-то плохое, предчувствие не обманывает ее. На ощупь нашла свою одежду, быстро натянула на себя. Господи, умоляю, пусть он вернется. За дверью слышались шаги. Всего-то вышел стрельнуть сигарету. Ада распахнула дверь – хозяйка поднималась по лестнице, освещая себе путь масляной лампой.

– Мадемуазель... – хозяйка запыхалась, карабкаясь вверх, – немцы здесь. Вам надо спуститься в подвал.

– Мой муж, – сказала Ада. – Где мой муж?

– Идите за мной. – Хозяйка повыше подняла лампу, чтобы света хватило обеим, и подобрала подол ночной рубашки.

– Но мой муж. – В голосе Ады звенел ужас, пронзительно, настойчиво, как гудок автомобиля. – Его здесь нет.

Они вошли в помещение кафе. Ада различала в темноте столики и стулья, тусклый блеск бутылок за стойкой бара. Хозяйка открыла люк, ведущий в подпол, и начала спускаться.

– Идемте, – обернулась она.

Ада искала Станисласа во тьме, пыталась уловить шелест его дыхания, учуять его запах, но в нос шибало только пролитым пивом и жженым сахаром.

– Мадемуазель, право, вы должны спуститься. Здесь опасно. – Хозяйка дернула Аду за лодыжку.

В кафе Станисласа не было. Он был на улице, в ночи, совсем один, в опасности. Взрыв, как удар грома вдалеке. Аду опять дернули, теперь за щиколотку и с такой силой, что она потеряла равновесие и схватилась за спинку стула:

– Спускаюсь.

В подполе она медленно огляделась в поисках огонька от сигареты, тени Станисласа под сводами. Я тебя заждался, Ада. Хозяйка закрыла люк и включила свет, единственную лампочку, едва рассеявшую тьму. В подполе было тесно от бочек, уложенных друг на друга в пять рядов, и громоздких грузовых тележек. От земляного пола пахло грибами. Хозяйка заранее принесла сюда кусок линолеума и два стула с прямыми спинками. Не забыла и корзинку с хлебом и сыром. Она подготовилась к этому дню, понимая, что войны не миновать. Жаль, что Ада этого раньше не понимала.

– Мой муж, – всхлипнула она. – Его нет.

– Ваш муж?

– Да. Где он?

– Ваш муж?

– Да. Mon mari. – Уж не глухая ли она, подумала Ада, или совсем глупая. – Человек, который снял у вас комнату вчера. С усами. В очках. Мой муж.

– Ах да, да, знаю, о ком вы говорите. Он еще вчера вечером уехал.

У Ады подогнулись колени, она села на стул. Кровь стучала в висках.

– Уехал? – тоненьким голосом переспросила она.

– Oui, – подтвердила хозяйка. – Отправился за женой. Они собирались в Остенде сесть на паром, а оттуда в Англию. Я сказала ему, что это еще как повезет, транспорт теперь ходит не по расписанию. А чему удивляться, с топливом-то беда. Но он уперся.

– Нет, – встрепенулась Ада. – Это какая-то ошибка.

– Ну что вы, – бодро и даже весело возразила хозяйка. – Он твердо стоял на своем. Говорил, что ему очень нужно вернуться в Англию.

Станислас уехал? Вместе с женой? В Англию, где ему светит тюрьма? Бессмыслица какая-то. Нет, это просто невероятно.

– А как же я? – вырвалось у Ады.

– Он сказал, у вас другое на уме. Мол, такая, как вы, не пропадет.

Силы покинули Аду, она сгорбилась и оцепенела. Наверняка хозяйка имеет в виду кого-то другого. Утром, когда рассветет, Ада пойдет его искать. Он где-то там заблудился. А может, и ранен. Она найдет его. Немецкие пушки пока далеко, пусть по звуку и кажется, что совсем близко.

Погреб вырыли рядом с дорогой. Ада слышала звуки проезжающих автомобилей, топот чьих-то ног по брусчатке, скрип тележек и резкий звонок велосипедов. Деревянный люк открывался на улицу, через него поставщики спускали бочки с вином и пивом. Сквозь щели пробивался дневной свет.

– Вам нельзя выходить, – сказала хозяйка. – В последнюю войну... с немцами же... тут такие ужасы творились. – Натруженные пальцы сомкнулись клешней на

запястье Ады.

Ада выдернула руку:

– Может, он стоит там, на улице, и ждет. Надо впустить его.

– Он уехал, – помотала головой хозяйка.

Она не знает Станисласа, подумала Ада. Или неверно его поняла. Французский у него отвратительный. До нее донеслись голоса, приглушенные, сбивчивые, но о чем говорили, она не разобрала. Город не спал, наверху кипела жизнь, и Станислас – часть этой жизни.

Ада отодвинулась от хозяйки, взяла свою сумку, поднялась по ступенькам и открыла люк, ведущий в кафе. Все помещение было залито утренним светом, пылинки роились в солнечных лучах. Ада обернулась, хозяйка устало опустилась на стул.

– Vous ?tes folle![13 - Вы с ума сошли! (фр.)] – вздохнула старая мадам.

Отодвинув засовы на входной двери, Ада вышла на улицу. Воздух был свежим, солнце низким и теплым. Но сама улица погрузилась в безмолвную пустоту, будто по ней прошла армия упырей и вычистила все живые души. В воздухе витал душистый аромат молодой листвы, распускавшейся на разлапистом дереве, что росло у обочины. Та к пахнут деревья, когда они занимаются любовью, вспомнилось Аде, она со Станисласом в Ричмонд-парке – как же давно это было. Стертые ноги все еще саднили; Ада сорвала немного листьев, засунула их под пятку и зацокала, слегка прихрамывая, по улице.

Высокие дома из красного кирпича, остроконечные крыши с волнистыми башенками. Ада свернула на другую улицу. Никого. Какие немцы? Их тут и близко нет. К Аде приближался человек на велосипеде, и на секунду ей показалось, что это Станислас. Светловолосый мужчина миновал ее и обернулся, ухмыляясь. Ада прижала ладонь к груди. Ночью впопыхах она криво застегнула пуговицы, в образовавшемся просвете виднелась сорочка. Одевалась в спешке. Ночная бабочка. Выждав, пока велосипедист не отъедет подальше, Ада привела в порядок платье и бросилась бежать по булыжной мостовой, опасаясь, что мужчина вернется; мозоли запылали огнем. Мостовая закончилась у большой

площади, кишевшей людьми. Ада остановилась, прикрыла нос рукой. Запах страха, который она впервые ощутила в Париже, пронизывал площадь, оседая противным едким привкусом на языке, замутняя слух и зрение. Лица, исполненные решимости, глаза, устремленные вперед, расставленные локти – люди кричали, орали, волоча детей и чемоданы, толкая велосипеды и детские коляски, нагруженные пожитками. Старуха в тачке: седые прямые волосы, худое изможденное лицо, слезы текут по впалым щекам, костлявые пальцы вцепились в деревянные боковины, а ее сын старается из последних сил не опрокинуть тачку. Все на взводе. Ада уже видела такое в Лондоне, в Париже. Но теперь все было по-настоящему. Немцы вот-вот войдут – в Бельгию, где еще вчера многие искали убежища.

Станисласа в толпе она не нашла. Может, он сбежал, либо его поймали и застрелили, и его тело уже гниет где-то во вражеском тылу. Ада закрыла глаза, пытаюсь отогнать эту мысль, пытаюсь разобраться в том, что произошло с ней и с ним. Откуда у него могла взяться жена? Покинув Лондон, они не разлучались ни на один день. Он всегда возвращался домой, пусть и за полночь. Ада бы догадалась. Нет, хозяйка пансиона ошиблась. Но зачем еще уезжать из Парижа так внезапно? И почему в Бельгию и обязательно в Намюр? Почему именно сюда?

Ее толкали и пихали. Ада сообразила, где она находится – рядом с вокзалом. Люди явно направлялись туда. Ей хотелось выбраться из толпы, подумать. Она попробовала развернуться и двинуться против течения. Ее не замечали, никто не уступал ей дорогу. Она была одна среди тысячи испуганных, рвущихся прочь людей. Станислас исчез бесследно. Она понятия не имела, куда ей идти и что делать. И спросить не у кого. Пусть уж лучше толпа ведет ее за собой. Наверное, эти люди знают, куда идут. Знают, где укрыться от войны.

Париж. Почему бы не вернуться в Париж? Мсье Лафитт, мадам Бретон. Они позаботятся о ней. Она объяснит, как получилась, что она уехала, никого не предупредив. Станислас попал в небольшую переделку. Его приняли за немца.

И вдруг мысль, как пощечина: что, если Станислас – на самом деле немец? Ведь говорила же ей миссис Б. и, сдается, была права. Он – шпион, Ада – его ширма. Она снова попыталась развернуться, но толпа давила со всех сторон. Двигайся вбок, велела она себе, вбок, вперед и опять вбок. Туда, где толпа пожиже.

Мужчина наступил ей на ногу, Ада вскрикнула.

– Excusez moi, mademoiselle, – обронил он, не поворачивая головы, не отрывая глаз от лишь ему ведомой цели. – Excusez moi[14 - Простите, мадемуазель. Простите (фр.).].

Выбравшись на край площади, Ада встала под аркадой в стороне от толпы. Что он делал в Англии? Она ни разу не задала ему этот вопрос. Он привез ее в Париж. Уверял, что войны не будет, а потом сказал, что не может вернуться в Англию. И она не смогла его оставить. Они казались прекрасной молодой парой, она служила ему прикрытием. Откуда он брал деньги? Какими такими делами занимался? Любил ли он ее?

Какой же она была дурой. Обманутой простофилей. Затем Бельгия, Намюр. Нам мир. Ну конечно, он знал, что немцы наступают, не мог не знать. Это они хотят завоевать весь мир, и с ними у него была назначена встреча, не с женой, нет у него жены. Это всего лишь слово-пароль, у шпионов так принято. И конечно, она в глаза не видела его паспорт. Он не мог его показать. Этим он бы себя выдал. Объясняться с пограничниками будешь ты, Ада. Бросил ее здесь, избавился, как от лишнего груза, все кончено. Прикрытие ему больше не нужно, задание выполнено.

Самолет, возникший над головой, ровно и без умолку жужжал, словно гигантская оса. Он летел настолько низко, что Ада разглядела свастику на хвосте, крест на фюзеляже и призрачную фигуру пилота в кабине. Мгновение спустя – взрыв, совсем рядом, так что площадь содрогнулась. Толпа заголосила и рассыпалась. Ада слышала испуганное ржанье лошадей, крики детей, видела, как падают люди и по ним бегут те, кто устоял на ногах. Окаменев, Ада смотрела на то, что творилось на площади. Еще один самолет – и тут она сообразила, что летчик, заметив толпу, собирается ее бомбить. Расталкивая людей, она бросилась вон из аркады в ближайший переулок. Бежала что было сил. Когда упала вторая бомба, еще ближе, земля будто выгнулась, и Ада споткнулась и упала. Вставай, вставай. Она понимала, что надо побыстрее убраться с улиц и найти укрытие. Оглушительный грохот. Впереди осыпалось здание – великан на подогнувшихся ногах падал в густом облаке строительного мусора. Нужно вернуться в пансион, к хозяйке, в погреб, в убежище.

Она заставила себя подняться, огляделась. В воздухе клубы грязной пыли, жирные серые сгустки забивались в нос и рот, липли к ладоням, на ощупь и на вкус они были как пепел. Ада пыталась выплюнуть эту дрянь, но пыль облепила язык, будто промокашка, что впитывает слюну. Где находится пансион, на какой

улице и как он называется, Ада понятия не имела и чувствовала, что заплутала. У нее намокла ступня. Падая, она разбила колено, и кровь стекала прямо в туфлю. Ступни пульсировали. Ада сбросила туфли. Надо бежать. Подальше отсюда. Наверное, пансион где-то справа. Она рванула через площадь. Затем вверх по улице, первый поворот направо, но улица, изогнувшись, опять вывела ее на то же место. Она лишь сделала круг. Толпа рассеялась в поисках спасения. Вдалеке опять зажужжал самолет, послышался резкий стрекот пулемета. Самолет подлетел ближе, и Ада, будто околдованная, смотрела, как продолговатая черная бомба падает за домами, окружавшими площадь. Кругом все затряслось. Звон выбитого стекла, осколок оцарапал Аде руку, и соседнюю улицу заволокло густым черным дымом. Самолетов все прибывало, бомбы сыпались все чаще. Нигде не было от них спасения. Повсюду битое стекло, а она босая. Ада снова надела туфли, морщась от боли, и снова побежала, теперь по другой улице, совершенно незнакомой, лишь бы подальше, подальше отсюда, и в такт бегу в голове у нее звучали слова – впервые за много месяцев она молилась. Прошу тебя, Господи, смилуйся надо мной...

За угол. Там двое. Стоят спокойно, не прячутся и смотрят на нее.

Сестры Благой Стражи. Черные рясы из толстой ткани и белые накрахмаленные апостольники. Ада узнала их по одежде. Точно в такой же ходит ее тетя Ви, вступившая в этот орден пятнадцать лет назад.

– Прошу вас, – слова кубарем скатывались с языка, рвались наружу, лишь бы только их услышали за ревом бомб, – пожалуйста, помогите. Aidez moi[15 - Помогите мне (фр.).]. Меня зовут Ада. Моя тетя – монахиня, одна из вас, сестра Бернадетта из Лурда. Наверное, вы знаете ее? Послушницей она служила в Бельгии. (Или во Франции? Ада не помнила. В ту пору она была ребенком.) Я заблудилась. Мой муж... – Что им сказать? – Я осталась одна.

– Ваш муж? – переспросила одна из монахинь.

Раз соврала, стой на своем.

Ада поспешно кивнула. Стрельба и взрывы прекратились. Дым и пыль пеленой окутали город, в воздухе стоял запах раскрошенных кирпичей и гари. Другого шанса ей, скорее всего, не представится.

– Я потеряла мужа.

Она пошатнулась, перед глазами поплыло. Когда Ада пришла в себя, оказалось, что она сидит на мостовой, уткнув голову в согнутые колени.

– Мадам, – обратилась к ней одна из монахинь, – мадам, вам нельзя здесь оставаться. Это опасно.

– Помогите мне. – Голос Ады звучал глухо, словно издалека, в голове что-то щелкало. – Мне некуда идти.

Монахини подхватили ее под руки, подняли.

– Идемте с нами.

Ада оперлась на них, ноги покорно шагали, но тело обратилось в мягкую губку, сил больше не было.

Будто сквозь сон Ада слышала странную жуткую тишину, видела клубы дыма, плывшие в голубом небе, реку, сверкавшую под солнцем, и высоко на холме замок. Щербатая брусчатка, осколки стекла, а затем арка с надписью из кованого железа: «Обитель Святого Иосифа». Монахини ввели ее в просторную прихожую с мраморным полом в шахматную клетку и статуей святого Иосифа в натуральную величину в центре помещения. На сгибе руки святого покоилась лилия, другая рука застыла в благословляющем жесте. Одна монахиня двинулась по коридору, вторая подвела Аду к длинной деревянной скамье:

– Asseyez-vous. Attendez[16 - Присядьте. Подождите здесь (фр.).].

Ада села. Она по-прежнему чувствовала слабость и шум в голове. Особый шум: звуки падающих бомб и разлетающихся вдребезги зданий. Она давно толком не ела, ей бы сейчас картошки с мясом, а еще неплохо бы выспаться. Пошевелив ступнями, она освободилась от туфель. Ноги были черными от грязи и запекшейся крови. Она притянула к себе сумку, поцарапанную, пыльную и бугрившуюся там, где лежал игрушечный медвежонок. Если Ада до сих пор жива, то, конечно, благодаря медвежонку, он приносит ей удачу. Она порылась в

поисках пудры и губной помады. Надо привести себя в божеский вид.

Звяканье четок, шелест тяжелых подолов, немудрящий запах талька – к Аде приближались монахини. Одна из тех, что привели ее в обитель, несла поднос. Рядом с ней незнакомая высокая и худая монахиня, вид начальственный. Должно быть, она здесь главная. Как к ней следует обращаться? – припоминала Ада рассказы тети Ви. Достопочтенная? Матушка? Мать-настоятельница? За высокой шла пожилая монахиня со строгим лицом в красных прожилках и в роговых очках. Первая поставила поднос на скамью рядом с Адой. стакан воды и хлеб. Высокая подошла к Аде, протягивая руки в приветствии.

– Я мать-настоятельница, – назвалась она.

Ада попыталась встать, но у нее подогнулись колени. Настоятельница села рядом, указала на поднос. Mangez[17 - Ешьте (фр.)]. Ада выпила воды, смягчившей ей горло. Отломил кусок хлеба и сунула его целиком в рот.

– Вы англичанка, – продолжила настоятельница, – и вы потеряли мужа. (Ада кивнула.) Ваше имя?

– Ада Воан.

– Вы племянница нашей возлюбленной сестры Бернадетты Лурдской?

Ада опять закивала. У нее дрожали губы. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой и такой напуганной.

– Напомните, как звали вашу тетю, прежде чем она приняла святой обет?

– Тетя Ви, – брякнула Ада и тут же поправилась: – Вайолет. Вайолет Гэмбл.

– И когда она вступила в орден?

– Не помню, – призналась Ада. Она понимала, что ее проверяют. А вдруг она самозванка. Ответ она неверно, и ее выгонят обратно на улицу. – Я была совсем маленькой, когда она уехала из Англии, но, по-моему, это случилось лет

пятнадцать назад. Или десять. – И добавила: – Если не ошибаюсь, она провела какое-то время здесь, в Бельгии.

– А где она жила прежде? – спросила краснолицая монахиня. По-английски она говорила с ирландским акцентом и на Аду смотрела недоверчиво, словно та бессовестно врала.

– В Лондоне, – ответила Ада. – В Уолворте, на Инвилл-роуд, дом 19.

Краснолицая скосила глаза на мать-настоятельницу, взглядом подтверждая сказанное пришельцей.

– Пожалуйста, помогите мне, – взмолилась Ада.

– Как? – спросила настоятельница. – На нашем попечении старики. В первую очередь мы должны позаботиться о них.

– Я буду работать у вас. – Тетя Ви говорила, что они постоянно нанимают мирян, чтобы те убирали помещения, мыли посуду, заправляли постели. Ада могла бы делать то же самое. Они должны взять ее к себе. – Позвольте мне остаться, прошу вас. Я буду выполнять любую работу. Мне некуда идти.

Настоятельница погладила Аду по руке, встала и направилась в угол прихожей, знаком подзывая строгую монахиню. Повернувшись спиной к Аде и сдвинув головы, они держали совет. Какие доводы приводили обе, Ада не слышала, да и вряд ли поняла бы, если бы даже услышала. Настоятельница говорила очень быстро. Спустя несколько минут решение было принято.

– Мы дадим вам приют, – объявила настоятельница, возвращаясь к скамье, а затем пожала плечами: – Но как надолго? – Она развернула ладони вверх к потолку: – Je ne sais pas[18 - Я не знаю (фр.)]. Если британцы помогут нам и отгонят немцев, то на неделю или две. Но потом вы должны уйти.

Ада тихонько выдохнула. Здесь она будет в безопасности даже в большей безопасности, чем в пансионе. Вдобавок пансиона ей все равно не найти, особенно теперь, в дыму и под бомбами.

– Спасибо, мать-настоятельница, – сказала Ада. – Я вам так благодарна.

Скоро сюда придут британцы. И все наладится. Аду отправят в Лондон, к маме и папе.

Молча приняв благодарность, настоятельница сложила руки под наплечником.

– Сестра Моника, – движением головы она указала на другую монахиню, неодобрительно взиравшую на Аду, – опекает наших послушниц. Вверяю вас ей. У меня очень много дел. – Повернувшись на каблуках, настоятельница зашагала по коридору.

– Не только у нее дел невпроворот, – сурово заметила сестра Моника. – Времени ни на что не хватает.

– Я могу помочь, – вызвалась Ада, хотя больше всего ей хотелось спать.

– Ты? Как?

– Я умею шить. И убирать, и...

Сестра Моника фыркнула и направилась прочь, бросив через плечо:

– Ну тогда иди за мной. Мать-настоятельница велела сделать из тебя монахиню.

Ада встала, зажав сумку под мышкой:

– Сделать из меня монахиню?

– Сказала, что надо переодеть тебя в нашу одежду. Святотатство, – прошипела сестра. – Не говоря уж о том, чем нам это грозит. А что, если немцы одолеют? А?

В конце коридора была высокая двустворчатая дверь, Ада прочитала: «Только для насельниц обители». Сестра Моника провела Аду через эту дверь, затем вверх по длинной деревянной лестнице, ведущей в другой коридор, и оттуда в просторное помещение, где на полках лежали стопки одежды, белья и

полотенец. Сестра Моника швырнула Аде полотенце и указала на дверь напротив:

– Тебе надо помыться. Но потом не трудись одеваться. Накинешь вот это, – сказала она, подавая длинную белую сорочку, – и возвращайся сюда. Мойся побыстрее, а не до глубокой ночи. Воды наливай на два дюйма, не больше, и не забудь прибрать за собой.

Большая ванна на ножках в форме звериных лап. Плиточные пол и стены. Зеркала нет. И ладно, подумала Ада. Ей бы не хотелось увидеть, на кого она сейчас похожа. Она открыла кран. Трубы с воем и стоном изрыгнули воду. Ванной здесь не часто пользуются, сообразила Ада. В трубах полно воздуха, точно как в колонке в родительском доме. Раздевшись, Ада ступила в горячую воду, мозоли пощипывало, и вода вскоре слегка помутнела от ее грязных ног. Ада опустила голову на край ванны, намочив концы распущенных волос. Закрой она глаза, крепко уснула бы.

Сестра Моника нетерпеливо застучала в дверь:

– Выходи. Некогда мне тебя дожидаться.

Ада наскоро вытерлась, надела сорочку через голову. Ткань липла к влажному телу. После ванны и еды Ада чувствовала себя лучше, почти самой собой.

– Садись. – Сестра Моника придвинула ей стул. В руке монахиня держала огромные ножницы. Ада уставилась на этот секатор. – Даже не думай противиться, – продолжила сестра Моника. – Я тебя насквозь вижу, Ада Воан.

Ада покорно села, и сестра Моника ухватила прядь ее волос. Ножницы лязгнули – каштановый локон плавно упал на пол. Ада слыхала, что монахини бреют головы, но если она здесь всего на несколько дней, зачем ей это? Что за дурацкий вид у нее будет, когда она вернется в Лондон. Ключья волос скатывались по сорочке ей по ноги.

– Так, встань вон там, – закончив, приказала сестра Моника.

Ада пощупала голову. Ее не обрили, но подстригли почти под ноль, до сухой колючей щетины. Волосы густого янтарного цвета валялись на полу, словно ворох опавших листьев. Ее нарочно так оболванили. По злобе. Теперь ей придется носить шляпу, пока волосы снова не отрастут. Жаль, что она не смастерила тюрбан из образцов тканей, забытых в Париже, тогда бы она не особо расстроилась. А теперь придется ходить с этим безобразием, разве что найдется платок, чтобы повязать на голову.

Сестра Моника рылась на полках, вытаскивая одно одеяние за другим.

– Наденешь то, что осталось от сестры Жанны. Она умерла на прошлой неделе. Держи панталоны. С них мы начинаем. – Она протянула Аде ситцевый квадрат с двумя штанинами: – Вступи в них и завяжи. На талии. И на ногах.

Ада так и сделала. Панталоны были широченными.

– У вас нет поменьше?

– А потом ты потребуешь трусы, сшитые на заказ у французского портного? – огрызнулась сестра Моника; Ада промолчала. – Теперь это.

Лифчик и нижняя юбка, ряса и наплечник (саржа, черная), пояс и четки. Сестра Жанна была крупной монахиней, Ада путалась в ее одежде. Туфли и чулки были велики не на один размер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20608585&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или

Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Приятного аппетита (фр.).

2

Спасибо, пожалуйста, до свидания (фр.).

3

Внимание! Соблюдайте осторожность! (фр.)

4

Это невозможно (фр.).

5

Закончили? (фр.)

6

Повторить? (фр.)

7

Ваш счет... Война началась (фр.).

8

Франция и Объединенное королевство Британии объявили войну Германии (фр.).

9

Прогуляться (фр.).

10

Но... (фр.).

11

Национальность? (фр.)

12

Мы англичане (фр.).

13

Вы с ума сошли! (фр.)

14

Простите, мадемуазель. Простите (фр.).

15

Помогите мне (фр.).

16

Присядьте. Подождите здесь (фр.).

17

Ешьте (фр.).

18

Я не знаю (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/meri-chemberlen/angliyskaya-portniha-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)